

Любовь – то, что доктор прописал

АВАРИД

Пропавшие
ДУШИ

18+

Young Adult. Пепел и души

Ава Рид

Пропавшие души

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Рид А.

Пропавшие души / А. Рид — «Эксмо», 2022 — (Young Adult.
Пепел и души)

ISBN 978-5-04-195730-8

Любовь всей жизни или работа мечты? А что бы выбрали вы? «Пропавшие души» – вторая книга цикла, действие которого разворачивается в больнице Уайтстоун. Герои этой серии не только будут спасать жизни пациентов, но и заводить новых друзей и влюбляться. Сьерра Харрис знает: сердце не может разбиться, но оно испытывает боль. Именно поэтому ее интересует только карьера. Романтические отношения ей не нужны. Перед поступлением на стажировку в больницу Уайтстоун Сьерра пообещала себе ни на кого не отвлекаться и даже не заводить друзей. Она собирается посвятить себя работе и стать лучшим интерном кардиохирургии. Когда жизни доктора Митча Риверы угрожает опасность, Сьерра понимает, что больше не может игнорировать свои чувства к нему. Она должна держаться от него подальше и сосредоточиться на своей цели. Но как ей выбросить красавчика Митча из головы? Для фанатов Моны Кастен, Анны Тодд, Эммы Скотт и Сары Шпринц. «Ава Рид снова очаровала меня уникальной и эмоционально заряженной историей. “Пропавшие души” – это выброс адреналина, приправленный здоровой дозой любви». – Николь Бём, автор серии «Golden Hill»

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

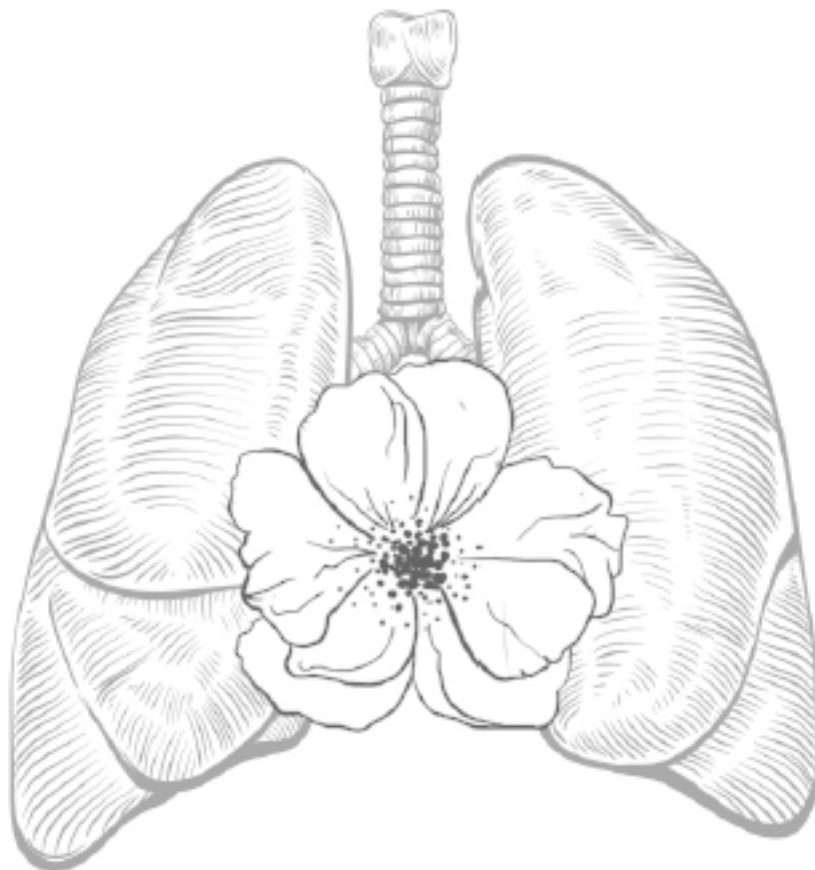
ISBN 978-5-04-195730-8

© Рид А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Дорогие читатели и читательницы!	7
Предупреждение о триггерах	8
Саундтрек	9
Глава 1. Сьерра	10
Глава 2. Сьерра	15
Глава 3. Сьерра	20
Глава 4. Сьерра	27
Глава 5. Митч	32
Глава 6. Сьерра	33
Глава 7. Митч	39
Глава 8. Сьерра	41
Глава 9. Митч	47
Глава 10. Сьерра	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ава Рид

Пропавшие души

*Посвящается всем, кто не может найти свое место в жизни или
думает, что ничего не стоит.*

*Посвящается PJ – у меня никогда не было друзей лучше, чем вы.
Вы моя семья.*

Ava Reed
DROWNING SOULS
Whitestone Hospital
© 2022 by Bastei Lübbe AG, Köln

© А. Зубарева, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Дорогие читатели и читательницы!

Я бы хотела отметить, что перед вами – вторая книга серии. Хотя в центре каждого следующего романа находится история новой пары, все четыре тома объединены сюжетно и хронологически. Иными словами, их нельзя читать по отдельности или в произвольном порядке. События в «Пропавших душах» описываются с момента, на котором завершается первая книга серии – «Большие надежды».

В конце, после благодарностей, вы найдете глоссарий медицинских терминов, упомянутых в тексте.

Медицинские аспекты были проверены опытными специалистами. Но если я все же допустила ошибки, то сделала это не специально.

Все мы люди. Поэтому, пожалуйста, свяжитесь с издательством и сообщите о найденных неточностях, чтобы их можно было исправить.

Я очень рада, что теперь вы узнаете историю Сьерры и Митча. От всего сердца надеюсь, что вы хорошо проведете время за чтением «Пропавших душ» и еще больше полюбите команду больницы «Уайтстоун».

Спасибо за терпение и поддержку.

*Искренне ваша,
Ава*

Предупреждение о триггерах

Во всех романах серии «Уайтстоун» – в том числе из-за места действия – затрагиваются темы, которые могут сработать как триггеры, вызвав у читателя неприятные чувства и ассоциации.

В «Пропавших душах» присутствуют упоминания психологического давления, токсичных отношений, злоупотребления алкоголем, несчастных случаев, ожогов, травм, рака, смертей, разного рода телесных повреждений и физиологических жидкостей. Также встречается подробное описание болезней и операций.

Этот список не полон. Пожалуйста, берегите себя и заботьтесь о своих чувствах.

Саундтрек

DARK FOUR DOOR – BILLY RAFFOUL
SATELLITE (ACOUSTIC) – CHARLOTTE OC
HEARTS (ACOUSTIC) – JESSIE WARE
NOT WHO WE WERE – EM BEIHOLD
HOW TO SAVE A LIFE (COVER) – SHELBY PARK

BROKEN – JONAH KAGEN
LET'S HURT TONIGHT – ONE REPUBLIC
LOST (ACOUSTIC) – JONATHAN ROY
KEEP YOU DRY – JUKE ROSS
LOST FOR WORDS – PLESTED
FALLIBLE CREATURES (ACOUSTIC) – SCOTT QUINN

THE SCIENTIST (COVER) – GABRIELLA
I DON'T WANT TO LOSE YOU – LUCA FOGALE
YOU SAY – LAUREN DAIGLE
LONG TIME – WILD RIVERS
SOLA – LUIS FONSI
I'LL BE GOOD – JAYMES YOUNG
TREAD LIGHTLY – FOREST BLAKK
WHAT IF – RHYS LEWIS

YOU BE LOVE (ACOUSTIC) – BILLY RAFFOUL
SWEETEST THING – ALLMAN BROWN
HALF LIGHT – BANNERS
SORRY – HALSEY

Глава 1. Сьерра

Так вот он какой – страх. Не за себя, не за свою жизнь – но за жизни других.

Я думала, что знакома со страхом, ведь он всегда следовал за мной, никогда не оставляя. Страх не справиться с учебой или потерпеть неудачу, особенно на работе, страх не найти свое место в жизни. Остаться середнячком. Оказаться недостаточно хорошей. Недостаточно важной. Недостаточно ценной.

Проиграть.

Страх потерять себя прежде, чем найду. Но сейчас... все по-другому. То, что я испытываю, – это не воображение, не следующая по пятам тень и тянущее ощущение в животе. Нет. Этот страх сжимает легкие и сдавливает внутренности. Он хочет, чтобы мое сердце перестало биться. Это не просто слова, а буря ощущений.

И стоит ей охватить меня, я думаю: «Не может быть, чтобы это происходило взаправду!»

Что сейчас случилось? Как и почему? Мы с Лорой собирались уходить домой, у нас было хорошее настроение – здорово, что она наконец вернулась. Что после истории с Нэшем и того, через что ей пришлось пройти, ей лучше: никаких последствий, ребро зажило...

Мы направлялись к лифту и, завернув за угол, увидели, как из него вышел Йен. Нэш, Митч и несколько человек из медперсонала начали заходить в кабину – они торопились доставить только что поступившего пациента в операционную. Но они не успели войти, двери еще не закрылись... и тут раздался взрыв, выбивший воздух из моих легких, а жизнь – из привычной колеи.

Я не знаю, что делать, мысли в голове путаются.

Йен лежит на полу без сознания, покрытый обломками штукатурки и белой пылью. Из динамиков звучит голос, но я не понимаю ни единого, мать его, слова: вокруг слишком шумно, а в голове не смолкает гул. Ощущение, будто мой мозг перешел в ждущий режим, чтобы справиться с происходящим, помогая мне не рухнуть в обморок. Я чувствую себя парализованной – хотя понимаю, что уже отстранилась от Лоры и двигаюсь, делая шаг за шагом. Быстрее и быстрее.

Я бросаюсь в хаос, в объятия всепоглощающего страха, который словно смеется надо мной. Безумие какое-то... до сих пор я была самой рациональностью. Это я остановила Лору, предупреждая, чтобы она не действовала импульсивно, ведь мы не знаем, что произошло и угрожает ли нам опасность... Но стоило ей назвать имя Митча и остальных, как я осознала: это не простые пострадавшие. Их имена говорили, кого мы рискуем потерять и что этот взрыв может для нас значить...

В ушах звенит, дым наполняет легкие, и я захожусь в кашле. Я стою позади Лоры, которая, опередив меня, опустилась на колени рядом с Йеном и осматривает его. Не знаю, как Лоре это удастся. Не понимаю, как она может заниматься Йеном (хотя это логично, ведь он первый, кого мы нашли), а не Нэшем. Прищурившись, я сквозь слезы всматриваюсь в открытый лифт и с усилием сглатываю.

В нос внезапно ударяет едкий запах, который трудно описать. Он невыносим. Я чувствую, что задыхаюсь, и закрываю лицо рабочей туникой.

Взрыв разрушил кабину лифта. Светильники разбиты, повсюду осколки, беспорядочно мигает уцелевшая лампочка, летят искры, а все, кто был внутри, неподвижно лежат на полу. Некоторых придавило обломками.

Лишу, медсестру из неотложки, взрывная волна выбросила из кабины, и теперь ее тело мешает дверям закрыться. Они съезжаются, но, наткнувшись на Лишу, разъезжаются, а потом опять пытаются закрыться. Это повторяется снова и снова. Мне ничего не остается, как наблюдать за этим безумием и надеяться, что не сойду с ума.

Сколько же повсюду обломков, битого стекла, крови...

– Господи боже! – выдыхаю я и захожусь кашлем.

Я хочу подойти к Лише – оказать первую помощь, но в следующую секунду замечаю в лифте огонь, дыма становится все больше... Как и токсических веществ, выделяющихся при горении.

– Проклятье! – вырывается у меня, и Лора тут же оказывается рядом.

– Сьерра, нам нельзя... – говорит она, но потом видит Нэша, объятую огнем кабину лифта и замолкает.

«Опускать руки».

«Поддаваться боли».

«Терять самообладание».

Не сомневаюсь, что, услышав сорвавшееся с моих губ проклятье, Лора собиралась сказать что-то из вышеперечисленного. Но увидев Нэша, который лежит без сознания, зажатый между перевернутой тележкой и стеной, она с трудом сдерживает чувства.

Где Митч? Почему я его не вижу? Возможно, он не успел войти в лифт? Черт, дым стучается, глаза горят, и я ничего не могу разглядеть... Нужно попасть в кабину, но сначала потушить огонь.

Лора зовет Нэша, повторяет его имя снова и снова, и я понимаю, как сильно она хочет оказаться рядом с ним... Но доктор в ней берет верх. Прищурившись, она озвучивает мои мысли:

– Мы не успеем до них добраться. Сначала нужно потушить огонь. Достань противопожарное полотно. Углекислотный огнетушитель брать нельзя: мы не умеем им пользоваться и в худшем случае повредим себе дыхательные пути. Чуть дальше есть еще один огнетушитель, порошковый, но при попадании в раны он превратит все вокруг в одно большое месиво... Йену я оказала первую помощь, насколько возможно...

Лора вываливает на меня всю эту информацию. Она не сообщает ничего нового, но я не перебиваю. Наверное, это ее способ собраться с мыслями, поэтому я слушаю кивая. Тем временем к нам подбегают помощники.

– Пока тебя не будет, я позабочусь о Лише и попробую разгрести обломки, которые преграждают путь. Иначе до остальных мы добраться не сможем, – продолжает Лора, и я внимательно всматриваюсь вглубь лифта... На этот раз мне удастся различить Митча. Видны только очертания тела, но я уверена, это Митч. Он внутри кабины. Я понимала, что он должен быть там, это логично... но надеялась, что ошибаюсь. Кажется, еще немного и я сломаюсь...

«Нет!» – раздается крик в моей голове.

– Сьерра!

Останавливаюсь, услышав голос Лоры, и только тогда понимаю, что иду вперед. Что подруга преградила мне дорогу и «нет» прозвучало и в реальности. У меня кончается воздух, и я снова захожусь в кашле.

– Надо потушить огонь, – повторяет Лора, и я бросаюсь в коридор. Страх подгоняет меня, я больше не чувствую себя парализованной. Моя, пусть и недолгая, заминка стоила нам драгоценных секунд. Стоила нашим друзьям бесценных секунд...

Я мчусь в отделение неотложки, хватаю аптечку и противопожарное полотно.

Сигнал тревоги слышится на заднем фоне, в коридорах, как в огромном муравейнике, суется люди, с каждой секундой их становится больше... Они что-то кричат, торопятся, чтобы помочь нам или в отделении неотложной помощи. И в случае необходимости начать эвакуацию.

Вернувшись к лифту, вижу, как Йена осторожно кладут на каталку, Электроды подсоединены, монитор подключен. Уверена, на него наденут кислородную маску, как только вывезут из зоны опасности. Среди медсестер и врачей узнаю доктора О'Лири и Гранта, который, ругаясь

и кашляя, помогает стабилизировать состояние Лиши. Нам с Лорой наконец удается попасть в лифт, его двери теперь зафиксированы. Я начинаю тушить огонь противопожарным полотном. Пока пламя не перекинулось на горючие материалы, включая одежду Митча... Отбрасываю эту мысль, боясь, что она меня парализует.

Дыма не становится меньше, но меня это не останавливает. Я продолжаю, обливаясь потом и чувствуя першение в горле, продолжаю, пока не угасает последний язычок пламени, последняя искра. Я это сделала.

Огонь потушен, а значит, от главной угрозы мы избавились. Ну, не считая токсичных газов, которыми мы дышим. Мне нужна маска, нам всем нужны маски, потому что от куска влажной ткани, который прижимаешь к лицу, толку мало. Собственная безопасность прежде всего – по крайней мере, этому нас учили. Но сейчас я думаю иначе. Я не пойду за маской. Не могу, хотя и понимаю, что поступаю безрассудно.

С трудом дыша, отбрасываю покрывало и захожусь в таком кашле, что, кажется, выкашляю легкие. Лора тем временем пробирается к Нэш, пытаюсь его освободить, что-то говорит. Я знаю, что сейчас происходит с Лорой. Потому что разделяю ее чувства. Меня раздражает желание броситься к Митчу, но разум удерживает. Рядом с Митчем, посреди лифта, в луже крови, лежит пациент, которого привезла «скорая», его придавило каталкой. Неподалеку от него Джордж, который сегодня помогал нам не покладая рук. Я мало с ним общалась, да и Лора тоже: он работал только в неотложке и наши графики редко совпадали. Джордж был довольно тихим, лишь иногда ворчал, но никогда не грубил и хорошо справлялся с работой. Боже, это мой знакомый. Мой коллега. Проклятье...

Меня бросает то в жар, то в холод, еще немного – и я сойду с ума. Кажется, после взрыва прошла вечность. Мы двигаемся словно в замедленном темпе, пока все вокруг рушится и распадается на куски. Но на самом деле счет идет на минуты. Секунды.

Мгновения.

– Я прибежала так быстро, как смогла, – слышу рядом. Даже не оборачиваясь, знаю, что это Зина. Ее мелодичный, успокаивающий голос невозможно спутать ни с одним другим. К тому же Зина – единственная, кто в критической ситуации не сыплет ругательствами.

– Позаботься о Джордже и найди кого-нибудь, кто займется пациентом «скорой», – говорю я, надеясь, что это звучит не слишком грубо или высокомерно. В конце концов, Зина прекрасный врач и знает, что делать. Но я не могу оставить Митча. Мне нужно к нему, и плевать, что это обо мне говорит как о человеке, как о враче.

Плевать.

Я спотыкаюсь о железный штырь, падаю, но мне все равно. Заставив себя подняться на четвереньки, подползаю к Митчу. Собираюсь коснуться его, но рука, словно приняв собственное решение, ложится на шею пациента, которого везли в операционную, пытаюсь спасти, и из-за которого мои друзья оказались в лифте.

Пульса нет.

Впрочем, дело даже не в пульсе. Взрыв мало что оставил от его лица, тело придавило каталкой. Мужчину госпитализировали в критическом состоянии. Но после случившегося...

У бедняги не было шансов.

– Он мертв, – говорю я и, услышав «да», понимаю, что до Зины долетели мои слова. Вижу, как уверенно и спокойно она осматривает Джорджа.

Снова поворачиваюсь к Митчу. Откашлявшись, тру глаза, но это оказывается ошибкой и проходит несколько мгновений, прежде чем мне удастся сфокусировать взгляд. Вонь, духота, царящий вокруг хаос, мигающий свет... Лифт кажется пастью чудовища, которое вот-вот поглотит нас.

Чувствуя, как бешено колотится мое сердце, нащупываю пульс Митча и проверяю, дышит ли он, – сама невольно задерживаю дыхание. Ничего не могу с собой поделать.

Наконец чувствую слабое биение сердца, вижу, как вздымается и опускается грудная клетка. Всхлипнув от облегчения, едва сдерживаюсь, чтобы не броситься Митчу на грудь. Больше всего мне сейчас хочется обнять его – и закричать.

Митч дышит.

Его сердце бьется.

А ведь он мне даже не нравится. Он как ребенок. Раздражает и выводит меня из себя.

Но если Митч умрет – неважно как и почему, – клянусь, я верну его к жизни, только чтобы прикончить собственными руками. Подумать только, до чего он меня довел, сколько страха я из-за него натерпелась....

Я верну его... Это решение придает мне сил и заставляет сосредоточиться на работе.

Митч без сознания, его глаза закрыты, и не будь он покрыт сажей, синяками и кровью, можно было бы подумать, что он спокойно спит.

Пока я освобождаю необходимое для осмотра пространство, замечаю, что мои штаны стали влажными на коленях. Видимо, пропитались кровью. Вдобавок я чувствую, как осколки и обломки впиваются в кожу.

Это не имеет значения. Никакого.

– Мне нужна помощь! – обернувшись, кричу во все горло, чтобы перекрыть шум, и начинаю перечислять: – Носилки, венозный катетер... – Понятия не имею, слышит ли меня кто-нибудь.

Лишу уже увезли, поэтому Лора с Грантом и еще одним врачом без труда пробираются мимо опрокинутой каталки, переворачивают ее и вытаскивают из кабины лифта. Ну наконец-то! Здесь слишком тесно и душно. Нэша кладут на носилки и уносят – в операционную или, может, в кабинет компьютерной томографии. В зависимости от травм. Если потребуется дополнительная диагностика, нужно будет сделать МРТ...

Внезапно портативный ЭКГ-монитор, к которому подключили Джорджа, фиксирует сбой сердечного ритма. Поднимается суматоха, но движения врачей остаются четкими и методичными. Собираются использовать дефибриллятор, чтобы восстановить сердечный ритм.

– Всем отойти! – кричит Зина, и я отворачиваюсь, потому что не могу смотреть, хотя и стыжусь этого. Одно дело когда перед тобой незнакомцы, и совсем другое – люди, которых знаешь и любишь. Тогда включается сердце и здравый смысл отступает. То, что происходит с людьми, которых мы знаем, затрагивает до глубины души... И становится по-настоящему больно.

Я тяжело сглатываю, продолжая осматривать Митча. Дым рассеивается быстрее, чем думала, и мой кашель ослабевает. Я почти жалею, что решила сама заняться им: от увиденного мое сердце пропускает удар, легкие сдавливают, а с губ слетает проклятье. Одна секунда, следующая... мне наконец удастся прийти в себя.

У Митча серьезные ожоги. Я потушила огонь слишком поздно, и пламя успело перекинуться на его одежду, уничтожив ткань и добравшись до кожи. Огонь не знает пощады. Даже в царящем вокруг хаосе я вижу, что огонь сотворил с Митчем, с его торсом, левым боком и бедром. Я надеялась, что погасила пламя вовремя... Но не успела. Митч возненавидит меня, когда узнает, что я слишком долго возилась и не сразу начала тушить пожар...

Мне хочется закричать, чтобы выплеснуть гнев и отчаяние, но вместо этого я прикусываю щеку и заставляю себя сосредоточиться на том, что сейчас важнее всего.

Тунику Митча снимать нельзя – чертова штукавина прилипла к коже местами, особенно на бедрах и поясе, будто срослась с ней. Этим придется заняться в операционной. Чтобы не закричать, я с силой прикусываю губу, пока не чувствую привкус крови. Замечаю, что обожжена также рука... Если бы мне пришлось оценивать степень повреждений, я бы сказала, что обожжено от восемнадцати до двадцати процентов поверхности тела.

Это приблизительные цифры – в этой области я не специалист. Знаю, что ожоги бывают разной степени. Чем выше степень, тем серьезнее ожог. Кожа на левой ноге красная, белых пятен нет. Хорошо. Кажется, это ожог не третьей степени. Но грудь, плечи и предплечья не просто ярко-красные – они покрыты белыми пятнами и волдырями. Кожа там выглядит бледной и сухой. Присмотревшись, понимаю, что она отвердела. Проклятье! Это тяжелый ожог. Местами, возможно, даже третьей степени... но я и правда не специалист, да и слабый мигающий свет – плохой помощник. Кроме того, степень повреждения зачастую определяется только во время операции...

Я снова не могу сдержать ругательство. Вероятно, поражены более глубокие области, нервы и кровеносные сосуды. Я не знаю, что делать дальше.

Мои пальцы дрожат. Крепко зажмуриваюсь, пытаюсь оставаться в настоящем моменте, и не позволяю страху одержать верх.

Митчу нужны кислород и тепло: как бы парадоксально ни казалось, но после ожога человек быстрее замерзает. При этом поверхностные ожоги надо охладить, чтобы уменьшить глубину поражения... Митча необходимо обследовать, чтобы понять, нет ли у него переломов, внутренних кровотечений и других травм, и сделать это как можно скорее.

Наверное, я не пробыла рядом с ним и двух минут, но мне кажется, что прошло много времени. Даже две минуты могут стать вечностью, если не знаешь, что ждет дальше...

У меня кружится голова, когда оглядываюсь и понимаю, что проход к нам свободен. Нэш, Йен и Лиша, вероятно, уже в операционной. Интересно, как там Джордж? Вижу, как мне на помощь спешат медсестра с медбратом. При других обстоятельствах я бы чувствовала себя паршиво из-за того, что не помню их имен...

Господи боже, как бы мне хотелось, чтобы обстоятельства были другими...

– Осторожно, он сильно обгорел. Предупредите ожоговое отделение, чтобы готовились принять пострадавшего. И придвиньте носилки как можно ближе. – Я рассказываю о состоянии Митча, сообщаю всю информацию, которая может понадобиться. Внимательно выслушав, они принимаются за работу.

Скоро мы вытащим Митча отсюда.

Глава 2. Сьерра

Нельзя защитить себя от боли – или от всего, что может принести боль, ведь все невозможно предугадать. Ни стены, ни любые предосторожности не спасут.

Нельзя защитить себя от боли – сегодня я это поняла.

Боль как любовь – побеждает все.

– Я хочу, чтобы вы остались здесь и помогли скоординировать работу неотложной помощи, пока не поступят дальнейшие распоряжения. Полиция с пожарными только что прибыли, – говорит О’Лири. Он задерживает нас с Лорой, не пуская к Нэшу и Митчу. Он не хочет, чтобы мы находились в операционной, черт побери!

– Что?! – кричу возмущенно, забыв, что я всего лишь интерн, а О’Лири – уважаемый врач. – Мы хотим помочь!

Я оказала Митчу первую помощь, вытащила его из лифта – а теперь меня к нему не пускают?!

– Доктора Риверу необходимо как можно скорее осмотреть и отвезти в операционную. Доктор Брукс на КТ и нуждается в нейрореабилитации. Вы двое ничем не сможете им помочь, – объясняет О’Лири, переводя взгляд с меня на Лору.

– Чушь собачья! – Пытаюсь обойти его, но он не позволяет.

– Доктор Харрис, – говорит он тоном, не терпящим возражений. – Вы эмоционально вовлечены. Вы тоже, доктор Коллинз. С доктором Бруксом вас связывают романтические отношения, а с доктором Риверой – дружеские. Вы обе принимаете происходящее слишком близко к сердцу.

Дверь в коридор, ведущий в крыло ожоговой хирургии, закрывается, и мы остаемся по эту сторону от нее. Митча увезли.

– Или я ошибаюсь? Скажите, доктор Харрис, вы правда думаете, что окажете лучшую помощь, чем другие, гораздо более опытные врачи? Вы можете пообещать, что будете контролировать свои чувства? Если да, я позволю вам пойти со мной.

О’Лири замолкает и выжидающе смотрит на меня. Его слова эхом отдаются у меня в голове.

Нет, я не способна контролировать свои чувства. И О’Лири это знает.

Я стискиваю кулаки и сжимаю зубы. У меня начинает болеть челюсть, и эта боль – отголосок той, что терзает мою душу.

– Мы не собираемся закрывать отделение неотложной помощи. В этом нет необходимости: оно отделено от места происшествия двойными дверями и коридором. И потом, оно переполнено – как и ближайшие больницы. Одновременно со взрывом произошло несколько дорожных аварий. Я понимаю, что вам сейчас непросто, но вы нужны здесь, внизу. – Он обводит нас задумчивым взглядом и добавляет: – Вам обоим тоже не помешало бы показаться врачам.

– Хорошо, – будто со стороны слышу свой голос, и сказанное ранит меня. Потому что это звучит так, словно я сдалась.

Доктор О’Лири не знает, что наша смена закончилась и мы собирались домой. Я решаю не упоминать об этом – ведь тогда он вообще запретит нам оставаться в больнице – поворачиваюсь к Лоре, которая пытается не заплакать, и сжимаю ее руку. На Лоре лица нет, она очень бледная и впервые за все время, что мы знакомы, выглядит так, будто вот-вот сломается. Она тяжело переживала потерю Рии, своей маленькой пациентки, но то, что случилось сегодня, ранило ее иначе.

– Мы останемся здесь и поможем, – говорю я.

Доктор О'Лири кивает, словно теперь уверен, что мы не собираемся натворить глупостей, и уходит, оставляя нас в растерянности стоять в коридоре.

– Лора? Давай... – хрипло говорю я и, откашлявшись, продолжаю: – Давай поможем в неотложке, ладно?

Она не отвечает.

– Или, может, хочешь домой?

Внутри у меня бушует буря, но внешне я спокойна, пусть мне и хочется накричать на нее. На нее и на каждого. Но разве это что-нибудь изменит?

Если Лора уйдет домой, не буду ее винить. Но я остаюсь, что бы она ни решила. Работать сверхурочно мне не впервой.

– Господи... – наконец выдыхает Лора, на ее лице отражаются отчаяние и надежда. – Что произошло? Что только что произошло, Сьерра?

– Не знаю.

Вокруг нас творится хаос. Полицейские с пожарными осматривают место происшествия – выясняют, что вызвало взрыв, было ли случившееся несчастным случаем или спланированным преступлением. Честно говоря, мне все равно. Чем бы это ни оказалось, это привело к тому, к чему привело, и причины ничего не меняют. Если люди пострадали, не имеет значения, в результате несчастного случая или чей-то оплошности. В конечном счете это все равно принесет боль...

Откашлявшись, на мгновение закрываю глаза и заставляю себя отбросить эту мысль.

– Так, пойдем отсюда.

Увожу Лору в отделение неотложки. Здесь мы ничем не можем помочь и будем только мешать. Нас допросят позже, в этом я не сомневаюсь.

Несмотря на творящийся в неотложке хаос, Мэйси сразу нас замечает.

– Я... Здесь было столько работы, что я не смогла вырваться, чтобы помочь вам, – говорит она, подбежав к нам. – Сначала взрыв, потом к нам направили несколько «скорых». Я не могла... простите, – заканчивает Мэйси, смущенно поправив очки. Знаю, она хотела как лучше, но мне все равно паршиво. В первую очередь потому, что Мэйси ни в чем не виновата. Всем нам сейчас нелегко, все мы на взводе.

– Чем мы можем помочь? – спрашиваю я, игнорируя ее слова. Нужно сохранять спокойствие, сейчас я должна быть для Лоры опорой – ведь она не раз поддерживала меня, возможно сама того не осознавая. Но осознаю я – сейчас особенно остро.

Мэйси удивленно смотрит на нас, ее брови приподнимаются над розовыми очками с золотистыми дужками:

– Вы надышались дыма, вам надо показаться врачу, а потом пойти домой...

– Мэйси, – резко перебиваю я, потому что уже слышала это от доктора О'Лири и не могу – и не хочу – спорить о том, что нам делать.

Она немедленно замолкает, смотрит на Лору и наконец кивает:

– Тогда хотя бы приведите себя в порядок. Промойте глаза, переоденьтесь в чистую форму. Глотните воды. Как вернетесь – поделимся на команды.

Я поворачиваюсь к Лоре, которая за все это время не сказала ни слова. Выражение ее лица непроницаемо, но побледневшие щеки и покрасневшие глаза выдают ее. Она делает глубокий вдох, потом выдыхает. Мы переглядываемся, понимая друг друга без слов.

Мы справимся. Останемся здесь, сколько бы времени это ни заняло. Вместе. И сделаем все, что в наших силах. Как и остальные.

Включая Митча и Нэша.

Вечность спустя мы с Лорой и Мэйси, едва живые от усталости, сидим в комнате отдыха. Нас давно сменили, и после настояний доктора О'Лири и доктора Гарднера Лора согласи-

лась пройти осмотр. Все в порядке: никакого отравления угарными газами, только раздражение слизистых оболочек дыхательных путей. Ни отека гортани, ни повреждения трахеи. Через несколько дней нам с Лорой нужно снова показаться врачу – чтобы исключить токсический отек легких.

Мы вели себя профессионально, но тем не менее этого было недостаточно. Хотя я бы без колебаний поступила так же, и, уверена, Лора тоже. Потому что иначе мы упустили бы драгоценное время – и, возможно, потеряли еще больше жизней.

Джорджа спасти не удалось. Почему-то это все еще кажется абстрактным фактом, в который невозможно поверить.

Полиция опросила нас, и мы как могли ответили на вопросы, чтобы помочь следователям «получить общее представление о ситуации». Скорее всего, они вернутся или кого-то из нас вызовут в участок для дачи показаний – зависит от предварительных результатов расследования. Был ли взрыв несчастным случаем или нет. Уже есть предположения, но, насколько мне известно, полицейские не видят в случившемся злого умысла. Ничто не говорит об этом.

Я потираю напряженную шею, сдерживая зевоту. Нужно принять душ, пойти домой, поспать и поесть. Однако ничто из этого не кажется правильным и более важным, чем остаться здесь, ждать и молиться, чтобы с пострадавшими все было в порядке.

Лора ненадолго отлучалась – приняв душ и переодевшись, она взяла такси и поехала к Нэшу, чтобы покормить его кота. Вернулась быстро – чтобы быть здесь, когда Нэш очнется.

Если очнется...

Нэш все еще в реанимации. Лору туда пока не пускают – Нэшу предстоит еще много обследований. За последние несколько часов ему сделали компьютерную томографию, магнитно-резонансную ангиографию, энцефалограмму и транскраниальную ультразвуковую доплерографию. По крайней мере, по последним сведениям. «Врачи делают все возможное, – сказала Белла, когда вышла к нам. – Но мы не знаем, какова степень повреждений и когда он проснется...»

«Закрытая черепно-мозговая травма». Этот диагноз навис над Лорой – над всеми нами – как дамоклов меч. Если у Нэша черепно-мозговая травма третьей – самой тяжелой – стадии, которая привела к необратимым повреждениям, и Нэш больше не сможет заниматься медициной... они с Лорой будут раздавлены. Впрочем, думаю, что это не имеет для Лоры такого значения. Она лишь хочет, чтобы Нэш выжил. И я тоже этого хочу.

О Митче до сих пор никаких новостей. Это меня убивает. Отсутствие новостей может означать как то, что все плохо, так и то, что все хорошо. Не знаю. Это показывает, что у врачей либо нет причин поднимать тревогу, либо нет времени, потому что ситуация критическая...

Ожидание, неопределенность, множество предположений не дают мне покоя. Меня бесит, что я не могу быть в операционной и не имею возможности что-то сделать.

«Новостей нет» – когда беспокоишься, эти два слова сводят с ума.

Когда Белла пришла, чтобы ввести нас в курс дела, Митч все еще находился в операционной. Я не уйду, пока не узнаю, как он.

Мэйси задумчиво теребит нитку, торчащую из кардигана, который она, достав из шкафа, набросила на плечи. Холодно. Никогда бы не подумала, что в Финиксе мне будет холодно. Впрочем, холод идет не снаружи, а изнутри. Это из-за беспокойства, недосыпания и истощения, избавиться от которых не так легко, как кажется.

Ничего удивительного: мы все устали, переволновались и находимся на пределе своих возможностей – если не физически, то эмоционально. Не помню, чтобы когда-то чувствовала такое бессилие и пустоту. Будто меня согнули в бараний рог. Кто-то скажет, что лучше так, чем сломаться, но это чушь собачья. Перелом срастается, боль испытываешь лишь однажды, и проходит она достаточно быстро. Но та боль, которую я чувствую сейчас, медленная и кажется

бесконечной. Я не способна двигаться ни вперед, ни назад, потому что сломлена, пусть и не сломана.

– Я домой, – бормочет Зина. Никогда не видела ее такой изможденной. Пропали и улыбка, и огонек в глазах... Остались только пустота и растерянность.

Это Зина оказала Джорджу первую помощь, а потом попыталась его реанимировать. Должно быть, именно ей пришлось объявить время его смерти. Джордж, можно сказать, умер у Зины на руках, и ничего нельзя сделать, чтобы облегчить ее ношу. Хотелось бы мне, чтобы все было иначе...

– Я могу вам хоть как-нибудь... – Взгляд Зины останавливается на Лоре, которая успела задремать, опустив голову на стол. Ее руки бессильно лежат на коленях. Выбившиеся из косы волосы закрывают щеки и лоб.

– Нет. Иди отдохни, – отвечаю я, пытаюсь улыбнуться, но не получается. Зина не должна изматывать себя. Мы останемся здесь, этого достаточно. Зина ничего не может сделать, даже если бы захотела. – Мы напишем, как только будут новости.

Она кивает, поджав губы, и направляется к дверям. Она проходит мимо Мэйси, которая порывисто обнимает ее, пытаюсь утешить.

– И ты пиши, если что. Договорились? – спрашивает она и не отпускает Зину, пока та не кивает. Я ничего не говорю, но надеюсь, что Зина знает: мы рядом и всегда ее поддержим. Сейчас она должна позаботиться в первую очередь о себе и попытаться смириться со случившимся.

Когда за Зиной закрывается дверь, мне становится еще холоднее.

В отличие от Мэйси и Лоры я не принимала душ и не переодевалась после того, как мы закончили работу в неотложке. Я все еще в тунике и штанах, покрытых грязью и кровью. Самое время разобраться с этим: быстро освежиться и переодеться. Мне все равно нечем заняться, но... я не могу заставить себя уйти.

Тихо вздохнув, смотрю на Лору, потом встаю, достаю из шкафчика чистый халат и накидываю его Лоре на плечи, надеясь, что ей станет немного теплее. У Нэша она переоделась в удобные штаны и футболку, которые все же не спасают от холода, вызванного недосыпом и тревогой.

Тревога не покидает Лору даже во сне: поджатые губы, нахмуренные брови, глаза беспокойно двигаются под веками... Ее лицо выглядит напряженным. К тому же она бледная, как привидение.

Я сажусь на место, но дверь внезапно распахивается, и я вскакиваю так резко, что стул едва не падает, а Мэйси испуганно вздрагивает.

Это всего лишь Джейн. Она входит и с удивлением смотрит на нас. Мэйси роняет голову на руки, и я разочарованно опускаюсь на место. Сердце колотится так, словно вот-вот выскочит из груди.

«Вдохни, выдохни», – мысленно приказываю себе.

С ним все хорошо. Иначе и быть не может...

Лора даже не шевельнулась, что показывает, насколько она нуждается в отдыхе. Я рада, что в таких обстоятельствах она вообще может спать, однако это скорее говорит о том, что подруга на пределе. Я решила, что не буду будить ее, пока не возникнет крайней необходимости и мы не узнаем что-то новое.

– Всем привет, – здоровается Джейн, направляясь к своему шкафчику и окидывая нас скептическим взглядом. Ее чистый, мягкий голос наполняет комнату жизнью. – Вы в порядке? Честно говоря, вид у вас... как бы это сказать...

– ...ужасный, – заканчивает Мэйси.

– Кто бы мог подумать, – бормочу я и, потеряв лицо, поворачиваюсь к Джейн, которая продолжает говорить.

– В «Уайтстоуне» сегодня хаос. Внизу суматоха, все напряженные и серьезные. Ну, серьезнее обычного. А еще – мне кажется или пахнет дымом? – удивленно спрашивает она, заправляя за ухо прядь светло-каштановых волос.

Волосы у Джейн такие короткие, что их с трудом можно заплести в косу, челка заканчивается выше бровей. Дерзкая стрижка, яркая одежда – тихая, замкнутая девушка, которая за первые недели едва обменялась с нами несколькими фразами. Этот диссонанс до сих пор удивляет меня. Впрочем, Джейн постепенно оттаивает. Особенно по отношению к Мэйси.

– Ты что, не в курсе? – удивляется Мэйси, стараясь говорить как можно тише, чтобы не разбудить Лору. – Об этом писали в общей рассылке!

Джейн присаживается к столу, и после слов Мэйси у нее на лице появляется выражение вины и сожаления. Но оно исчезает так быстро, что, возможно, мне просто почудилось. Джейн недавно начала смену, но выглядит такой же измученной, как и мы.

– Я была... занята, – отвечает она и, нахмурившись, скрещивает руки. – Ты о чем? Что случилось?

– Нэш в реанимации, Митч в операционной, хотя может, уже в палате, мы не знаем. Йен тоже пострадал, но с ним все будет хорошо, он сейчас спит. О Лише пока ничего не известно. Один из пациентов умер, а Джордж... – Я судорожно сглатываю и заканчиваю: – Джорджа не смогли вытащить. Он умер по дороге в операционную.

Я стараюсь не думать о случившемся, потому что так оно становится все более реальным, – и в то же время понимаю, что поступаю неправильно. «Не думать» означает «не признавать важность». Сделать вид, что это не имеет значения. Но жизнь Джорджа имела значение. Каждая жизнь имеет. Последние несколько часов я гнала от себя тяжелые мысли, иначе мой мир рухнул бы, как карточный домик на ветру.

Джейн в ужасе округляет глаза и приоткрывает рот. И неудивительно, ведь я начала с самого страшного.

– В больнице произошел взрыв, – объясняет Мэйси, потому что я не могу больше произнести ни слова. Молча тру руки, кладу их на колени и упираюсь взглядом в стол. – Лора и Сьерра закончили работу и собирались домой, Митч с Джорджем и Нэшем занимались пациентом, которого требовалось срочно доставить в операционную. Лиша им помогала. Я была в операционной, поэтому не видела, что случилось, только слышала. – Мэйси делает глубокий вдох и, помолчав, заканчивает: – Лифт взорвался. Йен тоже находился там и... Не знаю, что именно произошло, но это был кошмар, Джейн. Суший кошмар.

– Не может быть...

Я нахожу в себе силы, чтобы поднять глаза, смотрю на Джейн и киваю. Она не верит, и я не собираюсь ее в этом винить, потому что и сама не верю. А ведь я была там.

– Господи боже... – охрипшим голосом говорит Джейн. Слезы скатываются у нее по щекам, и она торопливо смахивает их, качая головой.

Судя по всему, она еще более ранимая, чем Лора. Хорошо, что ее здесь не было. Хорошо, что хотя бы одной из нас не пришлось этого видеть.

– Я могу что-нибудь сделать? Вам нужна какая-нибудь помощь? – спрашивает Джейн, и мы говорим «нет», потому что она бессильна помочь.

Она кивает, взяв себя в руки, и я благодарна, что она не говорит всякой ерунды типа: «Идите домой, отдохните, вы слишком устали, вам нужно поспать».

– Нэш, – бормочет Лора во сне и, повернув голову, ложится на стол другой щекой.

Как бы мне хотелось, чтобы все это оказалось лишь кошмаром.

Но это не кошмар.

Это реальность.

Кошмарная реальность.

И мы не знаем, что ждет дальше.

Глава 3. Сьерра

– Хорошо, передам. Спасибо. – Софи кладет трубку и, заметив меня, говорит: – Ты как раз вовремя, Сьерра. А Лора где?

Я подхожу к стойке регистратуры, неся стаканчики с кофе для нас с Лорой, и чувствую, как сердце начинает биться быстрее. После событий последних часов удивительно, что оно вообще бьется...

– Что-то случилось? Есть новости? – спрашиваю я устало и взволнованно.

– Нэш очнулся, – с улыбкой произносит Софи. – Врачи сообщают, что его анализы лучше, чем можно было ожидать. Нейро творит чудеса. Нэша уже перевели из реанимации. Передашь Лоре, ладно? Он в палате 709.

Судорожно вдыхаю и выдыхаю, навалившись на стойку. Я искренне рада. По крайней мере, его жизнь вне опасности.

– Передам ей немедленно!

Софи кивает.

– Спасибо. Йен тоже очнулся. К счастью, он не сильно пострадал, но должен оставаться под наблюдением в отделении интенсивной терапии. У Лиши, – продолжает она, – несколько ушибов и легкая черепно-мозговая травма, но она скоро встанет на ноги.

– Звучит не так плохо, хотя все казалось серьезнее. – Я по-настоящему счастлива, пусть и не могу этого показать. Мы потеряли пациента. И Джорджа. Его будет очень не хватать.

– О Митче были какие-нибудь новости? – интересуется Софи.

От этого вопроса у меня так сильно сжимается горло, что кажется, вот-вот задохнусь. Я качаю головой:

– Ушам своим не верю! Сейчас позвоню и все узнаю. – Прежде чем успеваю что-то сказать, Софи берет трубку и нажимает кнопку быстрого набора: – Алло. Это Софи Вега из кардиохирургии. Я хотела бы узнать о состоянии одного из пациентов, докторе Митче Ривера. Точно. Поняла, спасибо.

Не знаю, прислушиваться к разговору или нет. Смогу ли принять то, что узнаю?

– Его перевели из операционной! – восклицает Софи.

Я чуть не роняю кофейные стаканчики.

– Почему никто не сообщил? Я же просила, Итан, – сердито шипит Софи. Наши взгляды встречаются. Мне приходится поставить кофе на стойку, потому что руки начинают дрожать. Операция окончена. Это же хорошо, правда?

Софи продолжает говорить, но я не слышу ни слова. Шум крови в ушах заглушает все звуки. Я чувствую себя опустошенной. Иссохшей.

«Его перевели из операционной», – повторяется у меня в голове. Митч справился.

– И тебя туда же, – бормочет Софи прежде чем повесить трубку. Уверена, мужчина на другом конце провода все слышал. Сделав глубокий вдох, Софи что-то записывает на листе, который затем кладет на стойку передо мной. – Митч в порядке, состояние у него стабильное. Он находится в отделении интенсивной терапии. Хорошо, что в «Уайтстоуне» работают прекрасные комбустиологи¹, иначе пришлось бы перевести его в другую больницу, – замечает Софи.

Киваю. Если бы Митча перевели в другое место, я, наверное, с ума бы сошла.

– Вот номер его палаты и палаты Нэша, чтобы ты не забыла, – добавляет Софи, придвигая ко мне записку.

¹ Ожоговый хирург (*комбустиолог*) – врач, который занимается лечением ожогов тяжелой и крайне тяжелой степени.

Как в трансе смотрю на цифры, выведенные каллиграфическом почерком на желтоватой бумаге. Мне бы радоваться, но почему-то я не могу. Не могу, ведь...

– Насколько серьезные у него ожоги? – не поднимая глаз, едва слышно спрашиваю я.

– Сьерра, – начинает Софи, и я догадываюсь, что сейчас она скажет что-то вроде: «Все в порядке. А если нет, то будет». Но Софи останавливается и, помолчав, говорит: – Не знаю. Мне сообщили только, что операция прошла хорошо и теперь Митчу требуется отдых. Тяжело признавать, но его врач – один из лучших специалистов в своей области, – вздыхает Софи.

Судя по всему, за этим кроется какая-то история. В любой другой день я стала бы расспрашивать подробности или поддразнила бы Софи. Но не сегодня.

Нет, не сегодня.

– Спасибо, – выдавливаю я, запихивая листок в карман, беру стаканчики с едва теплым кофе, который сварила Эдит, и наконец заставляю себя посмотреть Софи в глаза.

– Иди к Лоре, сообщи ей новости, – улыбается она. – После смены я тоже всех навещу. А еще, Сьерра... отдохни.

Кивнув, возвращаюсь в комнату отдыха. Ноги двигаются словно сами по себе и приводят меня к Лоре, которая все еще спит, положив голову на стол. Мэйси уже ушла домой. Нам стоило последовать ее примеру, однако мы, как две упрямые ослицы, остались здесь, хотя от этого никому не легче... Но взглянув на Лору, понимаю, что неправа. Ей – легче. Она не смогла бы быть сейчас одна, да и не должна. Возможно, это и мне помогает. Находиться здесь, а не страдать в одиночестве дома – именно то, что нужно.

И нужно сосредоточиться на работе и на цели.

Проклятье! Я не думала заводить друзей! Меня интересовала только карьера. Прошло всего несколько месяцев с моего первого дня в «Уайтстоуне», а у меня появились не только прекрасные коллеги, но и подруга, что заставляет забывать о цели. Заставляет забывать, что я мечтаю стать лучшей. Должна стать. Потому что тогда перестану быть никем. Доктор Сьерра Харрис, лучший интерн кардиохирургии. Я не собираюсь быть одной из многих, затеряться среди тех, чьи имена никто не знает. Мне пришлось бороться, чтобы окончить университет и получить эту работу, и я не остановлюсь на достигнутом.

Я ставлю кофе на стол и, не сводя глаз с Лоры, убираю прядь волос с ее лица. Вздыхаю. Я не остановлюсь, но сегодня, пожалуй, сделаю передышку. В качестве маленького исключения. А еще завтра или когда-нибудь, когда появятся другие важные дела.

– Просыпайся, – негромко зову я, осторожно тряся Лору за плечо. Она умиленно причмокивает губами, а потом тихо хрюкает, заставляя меня рассмеяться.

– Нет, носок невкусный! – кричит Лора, вскидывая голову.

– Чего? – растерянно переспрашиваю я.

– А, что? – бормочет она и зевает. Ее светлая кожа, слегка тронутая лучами аризонского солнца, приобрела болезненный землистый оттенок, под глазами темнеют круги, губы пересохли. Лора всегда была открытым человеком, и ее эмоции легко прочесть, особенно сейчас. – Забудь. Я пытаюсь сделать то же, – отвечаю, поморщившись, и собираюсь сообщить радостную новость, но не успеваю.

– Я долго спала? – Она потирает лицо и смотрит на меня. – Почему ты меня разбудила? Неужели... – Ее глаза распахиваются, и она вскакивает на ноги, отчего халат, который я набросила ей на плечи, падает на пол. – Он ведь не... с ним все хорошо?

Лора боится произнести: «Он ведь не умер?». Хочется ответить ей с иронией, но я этого не делаю. Возможно, потому, что не совсем понимаю, каково это – так сильно кого-то любить. А еще потому, что Лора – человек, которым я дорожу. Улыбаюсь.

– Его перевели из реанимации. Он в сознании.

Ахнув, она опирается о стол, чтобы не упасть. Ее глаза наполняются слезами. Я ожидала, что Лора вылетит из комнаты и бросится к лифту, но она стоит и ревет – так, словно сдерживала

слезы все это время и теперь они прорвали плотину. Пока Лора сотрясается от рыданий, я смотрю на нее и не знаю, что сделать или сказать, чтобы ее успокоить. Лора должна справиться сама, выплакать слезы, а потом найти силы идти дальше. Уверена, она выплескивает чувства сейчас, чтобы не делать этого перед Нэшем. Это впечатляет. Я завидую ее мужеству.

Не знаю, была ли я когда-нибудь излишне эмоциональной. По крайней мере, теперь меня сложно обвинить в этом. Я почти не плачу и не позволяю себе долго переживать – ни в личных делах, ни в рабочих. Нужно сохранять ясную голову, только так можно достичь цели. Чувства все усложняют, а мне сложности не нужны. К тому же мама помогла мне усвоить, что чувства причиняют много боли. А еще – что я не заслуживаю любви. Получается, дело не в том, что я избегаю душевных переживаний, а в том, что я плохо с ними справляюсь. По крайней мере, так я думала до сих пор и поэтому вздрагиваю от неожиданности, услышав свой всхлип.

– Черт, – ругаюсь так тихо, что Лора не слышит, и откашливаюсь, стараясь сдержать подступающие слезы.

Вот что бывает, когда подпускаешь людей слишком близко. Мне это ни к чему. Совсем ни к чему...

Лора стремительно приближается ко мне, прерывая течение мыслей, и заключает меня в крепкие объятия. Сколько же сил у этой женщины?!

– Ты меня задушишь, – выдавливаю я.

– Спасибо, Сьерра, – говорит она с такой искренностью, что у меня по телу бегут мурашки.

– За что? Я ничего не сделала.

Лора отстраняется и смотрит на меня: волосы растрепаны, тушь размазана, глаза покраснели от слез, а на губах широкая улыбка. – Сделала. Ты осталась здесь, со мной. Не ушла домой. Конечно, я понимаю, что это и из-за Митча...

– Иди уже... к Нэшу! – прерываю ее, завершая разговор. Я называю номер палаты, в которой находится Нэш, и решительно подталкиваю Лору к двери, отчего та громко смеется. Через несколько шагов она останавливается.

– Митч? – повторяет она, вопросительно глядя на меня. Она хочет знать, в порядке ли он.

– Митча перевели из операционной, но не знаю, насколько серьезные у него ожоги, – отвечаю я. – Йен тоже очнулся и скоро встанет на ноги. Лишу оставили в отделении, чтобы наблюдать за ее состоянием и взять дополнительные анализы, но, по последним сведениям, состояние у нее не критическое.

У Лоры вырывается вздох облегчения:

– Хорошо. Это хорошо.

– Иди. У меня больше сил нет терпеть твою сентиментальность.

– Пойдем со мной, – просит она, и мне хочется согласиться.

– Что? Нэш очнулся, он справился. Почему ты... – Я замолкаю, потому что уже знаю ответ.

Лора улыбается – не так лучезарно, как раньше, – берет меня за руку и ведет по коридору за собой. Когда мы останавливаемся перед лифтом, она нажимает на кнопку и произносит то, чего и следовало ожидать:

– Пожалуйста, пойдем со мной. Одна я не могу...

Лора боится. Не знаю чего, но очень боится.

– Хорошо. Я тебя провожу, – отвечаю, сжимая ее руку.

Что за ночь... Дерьмовое начало выходных. Такое в страшных снах не приснится.

Мои мысли снова возвращаются к Митчу. Навестить его? Или не стоит? Можно ли к нему? И под «можно» подразумеваю не «пустят ли меня», а «имею ли я право» и «выдержу ли». Я снова и снова представляю его лежащим без сознания и будто наяву чувствую запах горелой кожи и грязи, повисший в спертом воздухе. Не перестаю думать: будь я чуточку быстрее... Но

дело не только в этом. Если увижу Митча или Нэша, случившееся станет реальнее и я не смогу притворяться, будто ничего не произошло.

Я не готова. Мне хочется еще немного тешить себя иллюзией, что это сон. Что это не реально.

Вздрагиваю, когда двери лифта открываются со звоном. Мы молча входим внутрь, и от меня не ускользает нерешительность, с которой Лора нажимает круглую кнопку с цифрой семь.

– Седьмой этаж, отделение неврологии и нейрохирургии, – объявляет голос, а через несколько секунд раздается звон, и мы выходим. Я была здесь всего два раза. Эта область медицины, без сомнения, захватывающая, однако человеческое сердце представляет для меня больший интерес, чем мозг и нервная система.

При средней продолжительности жизни сердце человека сокращается примерно три миллиарда раз. Женское бьется быстрее, чем мужское. Для того, чтобы прокачать по телу необходимое количество крови, сердцу приходится совершать примерно семьдесят сокращений в минуту. Пропуская через себя шесть-восемь литров. Поразительно... Говорят, приятная музыка снижает кровяное давление у людей с ишемической болезнью сердца. Сердце не разбивается, но сильный эмоциональный и психологический стресс оказывают на него негативное влияние. Горе может привести к сбоям в его работе – словно чувства, возможно, даже душа заключены там. Словно именно сердце делает нас теми, кто мы есть. Сердце, не разум.

Оно не может разбиться, но испытывает боль. И боль, которую не видно, зачастую приносит больше страданий, чем видимая.

Сумасшедшие мысли, немного наивные, но они мне нравятся. Впрочем, я держу их при себе.

Я не мечтательница, не люблю громких цветастых заявлений и не хочу, чтобы во мне видели то, чего не существует. Я себе не способна помочь, что говорить о других? Достаточно того, что теперь в моей жизни есть такая подруга, как Лора. Я не собираюсь разрушать нашу дружбу, но боюсь, что не способна по-настоящему ценить ее. Я лишь хочу делать свою работу – и делать хорошо. Хочу доказать, что справлюсь – сама, без помощи, без связей. Что достаточно хороша.

– В какой, ты говорила, он палате? – оглядываясь, спрашивает Лора, когда мы оказываемся в коридоре.

– В семьсот девятой, – отвечаю, кивком указывая влево. – Нам туда. Пойдем.

Лора идет за мной, не выпуская мою руку. Пальцы у нее влажные и холодные и сжимают мои словно тиски так, что становится больно. Я не жалуюсь, но с каждым шагом чувствую беспокойство. Коридор все не заканчивается. 703, 704, 705... Еще один поворот. Видимо, Нэша положили в отдельную палату, которая находится в самом конце.

Останавливаюсь и тяну Лору назад.

– Мы на месте.

Заглядываю внутрь сквозь щели жалюзи. Большая одноместная палата, как и следовало ожидать. Номер на двери и имя в файле подтверждают, что Нэш находится здесь.

Лору потряхивает. Кажется, дрожь стекает по ее руке к кончикам пальцев и передается мне. Лора резко отпускает меня и идет к двери. Шаг, другой...

– Не трогай медкарту, – говорю я, останавливая ее, пока она не успела открыть файл. – Тебе не надо это читать, Лора, – прошу я и тяжело сглатываю. – Не читай, пожалуйста. – В медицинской карте слишком много информации. – Ты идешь к Нэшу как его девушка, а не как врач, верно? Просто будь рядом. Если захочешь что-то узнать, спроси у лечащего врача. Или у Нэша. Все остальное не имеет значения. По крайней мере, сегодня.

Лора, взгляд которой по-прежнему прикован к карте, прикусывает губу. Она знает, что я права. Мне понятно ее желание заглянуть в файл, но сейчас эмоции переполняют ее. Сегодня, сейчас – не время.

Когда Лора наконец кивает и перестает вырываться из моей хватки, я вздыхаю с облегчением.

Я и забыла, что заботиться о других – занятие крайне утомительное. Сейчас это не просто пациенты, а люди, которые каждый день находятся рядом. Да, порой они ошибаются, порой ведут себя глупо, но я все равно их люблю.

– Ты собираешься зайти к Митчу? – оглянувшись, спрашивает Лора и смотрит мне в глаза.

Хотелось бы ответить «да». Когда Софи сообщила, что его перевели из операционной и что он в стабильном состоянии, я собиралась навестить его, но... Я в нерешительности. Да что там – даже ответить на простой вопрос не могу. Мне приходится бороться с собой.

– Иди к нему, – говорит Лора, после чего, вздохнув, толкает дверь и заходит в палату.

Я смотрю ей вслед. Сквозь жалюзи вижу, как она осторожно приближается к Нэшу. Поначалу он не двигается, – наверное, спит, – но стоит Лоре осторожно сесть на край кровати и нежно коснуться его щеки, он приходит в себя.

На глаза Лоры наворачиваются слезы. Проклятье, почему я до сих пор стою и смотрю на это?

– Везучий, чертяка! – слышу рядом, вскрикиваю (к счастью, не слишком громко) и, обернувшись, вижу улыбающегося Йена. Мы с ним давно перешли на «ты». Не уверена, что это не изменится, когда Йен станет нашим куратором, но...

– Какого хрена? Что ты здесь забыл? – спрашиваю, с возмущением глядя на него. – Тебе нельзя вставать с кровати!

– Кровати для слабаков. Таких, как Нэш, – фыркает он, указывая на дверь палаты.

– Ты переживал за него.

– Я никогда не переживаю.

– Ну, теперь можешь вернуться и отдохнуть, вместо того чтобы бегать по больнице с огромным стояком для капельницы.

Улыбка Йена становится шире:

– Да, стояк у меня и правда огромный.

– Звучит отвратительно. Просто отвратительно.

– Это ты заговорила о моем стояке, не я.

Скрещиваю руки на груди:

– Хватит нести чушь. Ты выглядишь паршиво, тебе надо прилечь. Посмотри на себя: на тебе только больничный халат и боксеры, и ты вцепился в стояк для капельницы, будто собираешься с ним заснуть.

– Как мило с твоей стороны, Харрис, – с сарказмом отвечает Йен. – Думаешь, что выглядишь лучше? Когда ты спала в последний раз?

Качаю головой, не собираясь отвечать ни на один из этих глупых вопросов, и снова поворачиваюсь к Нэшу и Лоре. Они лежат в объятиях друг друга, Лора дрожит, и Нэш нежно гладит ее по спине.

– Что ты вообще здесь делаешь? – интересуется Йен, искоса глядя на меня. – Кроме как оскорбляешь меня и переживаешь за мое самочувствие.

Мне хочется раздраженно фыркнуть, но я сдерживаюсь:

– Я была с Лорой. Мы только что узнали, что Нэш пришел в себя.

– Да ладно, я говорю о другом, и ты это прекрасно знаешь. Что ты здесь делаешь, почему ты не дома – или с Риверой?

Прищурившись, смотрю на Йена:

– Я ему что, нянька? Что здесь забыл ты, в полуобморочном состоянии, полуголый, с капельницей, из которой в тебя льется обезболивающее? Твое присутствие вызывает гораздо больше вопросов.

Йен со смехом взмахивает свободной от капельницы рукой:

– Не хочешь говорить – не надо, но подумай на досуге над моими словами. Тебе нужно принять душ и поспать, причем куда больше, чем мне. Кроме того, я вроде как выписал сам себя, поэтому могу ходить где захочу. Все, что мне осталось сделать, – это одеться, избавиться от капельницы и проскользнуть мимо Тори.

Йен прав насчет душа и сна, но я молчу, а он, заметив мой растерянный взгляд, поясняет:

– Сиделка из терапевтического отделения. Страшная женщина.

Я смеюсь, но Йен морщится, словно от зубной боли.

– Боже, так ты серьезно! – осознаю я. – Ты ее боишься!

– Конечно, боюсь! Эта женщина – злая, мстительная демоница, которая притворяется медсестрой. Если она увидит, как я расхаживаю по больнице, мое состояние станет хуже, чем после происшествия.

«Происшествие».

Ненавижу это слово. Ненавижу-ненавижу-ненавижу! Оно уверяет, что дерьмо случается и мы ничего не можем сделать. Но я понимаю это слово иначе – для меня оно означает: «ты приняла плохое решение» или «пустила все на самотек». И то и другое – халатность. «Происшествие» – не более чем результат, полученный вопреки твоим ожиданиям. Но ты понимаешь это только тогда, когда уже слишком поздно.

Происшествие.

Ошибка.

Как жалко звучит! Безобидно... Но для пострадавших это словно падение в глубокую темную яму.

С трудом сглатываю, делаю вдох и выдох.

Это напоминает мне... себя. Если спросить маму, я – «ошибка». Если спросить меня, я – «выбор», который сама сделала.

– Полиция пока не знает, что произошло, – будто со стороны слышу свой голос и чувствую, как Йен напрягается.

– Расследование займет какое-то время. Ну, пока полиция не будет уверена на все сто процентов. Но... – Замолчав, Йен вздыхает и проводит рукой по волосам, взъерошив их. Я замечаю багровые гематомы на его плече. Даже думать не хочу, как выглядит его торс. – Скорее всего, взорвался кислородный баллон. Не думаю, что кто-то подстроил это, спланировав взрыв.

– Что? Это...

– ...невозможно? – заканчивает за меня Йен и грустно улыбается.

– Нет. Я понимаю, что такая вероятность есть, но она совсем небольшая. Кислородные баллоны прошли обязательную проверку, были установлены и подключены по всем правилам.

Йен пожимает плечами:

– Что еще могло вызвать взрыв? Этот вариант маловероятен, но возможен: достаточно перед началом работы или подключением баллонов запачкать руки в горячем веществе. Если оставить на них что-то маслянистое или жирное, за счет кислорода и трения или резкого удара по разъему это создаст искру. Искру, которая приведет к тому, что мы пережили. Совокупность множества мелких факторов, которые не должны были совпасть. Кислородные баллоны заполняют, обслуживают и подключают люди. А люди ошибаются.

«Люди ошибаются».

Звук пейзажа отвлекает меня от мыслей и гнетущего чувства, которое вот-вот охватит меня.

– Мне пора.

– Пора переодеться и пойти домой, Харрис! – ворчит Йен.

Он говорит, как доктор Гарднер. После того, как всем была оказана помощь, доктор Гарднер спустился в отделение неотложки, где мы с Лорой остались работать, и, оценив ситуацию,

потребовал, чтобы мы прошли обследование. Он еще раньше хотел отправить нас домой, но мы решили остаться в этом хаосе и помочь.

Пропустив слова Йена мимо ушей, смотрю на пейджер и, положив его в карман, улыбаюсь:

– Удачи с медсестрой-демоницей. А еще ты надел трусы наизнанку, – небрежно говорю я и указываю на ярлычок. Иду к лифту, слыша, как Йен ругается себе под нос.

Глава 4. Сьерра

– Спасибо, что уделили мне время.

Доктор Гарднер откидывается на спинку кресла и внимательно изучает мое лицо. Я не ощущаю неловкости от того, что сижу перед начальником в таком виде, сейчас внешность волнует меня меньше всего. Тем более доктор Гарднер и сам выглядит измотанным, наверняка он работал все это время не покладая рук.

Шторы задернуты – наверное, потому, что окна выходят на восточную сторону. В кабинете прохладно. Прохладнее, чем в коридорах и палатах. Но может быть, мне это только кажется, потому что я слишком долго оставалась на ногах.

Даже сутки без сна приводят к ухудшению долговременной памяти и значительному снижению концентрации внимания – иными словами, нейрокогнитивные способности ослабевают, становится сложнее воспринимать звуки и любой шум вызывает стресс, как, например, тиканье часов на столе доктора Гарднера, которые я бы охотно вышвырнула в окно.

И рано или поздно температура тела начинает падать.

Я замерзаю.

– Вы ведь уже говорили с администрацией? Значит, знаете, о чем пойдет речь?

Киваю.

– Хорошо, доктор Харрис. Для начала я хотел бы извиниться, что вызвал вас только сейчас. Или за то, что вообще вызвал. Скоро сюда войдет детектив Хендрикс. Он руководит расследованием и хочет задать вам несколько вопросов.

Не знаю, что на это ответить, да и сил говорить у меня нет, поэтому я молча жду.

– Это трагическое происшествие надолго останется в нашей памяти и будет преследовать нас... – Доктора Гарднера прерывает стук в дверь, и он отзывается: – Входите.

Обернувшись, вижу, как в кабинет заходит полицейский средних лет. Чуть выше меня ростом, на подбородке ямочка, в темно-каштановых волосах пробивается седина. Он кажется дружелюбным, но настороженным. Поздоровавшись, полицейский садится рядом со мной и закидывает ногу на ногу.

– Позвольте представить вам доктора Харрис, детектив. Она с доктором Коллинз оказалась первой на месте происшествия. – Доктор Гарднер указывает на меня, и я выдавливаю слабую улыбку. Удивительно, что я вообще способна улыбаться.

– Спасибо, что пришли, доктор Харрис. Я уже побеседовал с несколькими вашими коллегами и надеюсь, вы сможете заполнить пробелы в их показаниях, особенно теперь, когда немного оправились после инцидента.

– Конечно, – хрипло отвечаю я, хотя внутри все кричит: «Нет!». Я хочу забыть о случившемся, а не переживать все снова.

– Хорошо. Итак, доктор Гарднер сказал, что вы с доктором Коллинз прибыли на место происшествия первыми. Он прав? Самого доктора Гарднера там не было, поэтому мне нужно, чтобы вы подтвердили его слова.

– Да, мы поднимались в хирургическое отделение, к нашим шкафчикам. Мы... – Нерешительно замолкаю. Я провела в больнице слишком много времени. Вместо того чтобы пойти домой, мы с Лорой вернулись к работе сразу после взрыва. – Наша смена закончилась, – объясняю я, поглядывая на доктора Гарднера, которого мои слова не удивляют.

– Что вы видели? Не могли бы рассказать, что именно произошло?

Чувствую, как пульс учащается и меня бросает в жар – хотя минутой раньше я замерзала. Ощущая неприятный привкус во рту, я рассказываю, как все произошло:

– У нас с Лорой, то есть доктором Коллинз, было дежурство в отделении неотложной помощи. Мы уже собирались домой, когда к нам привезли пациента в тяжелом состоянии.

Доктор Брукс и доктор Ривера оказали ему первую помощь и повезли к лифту, чтобы доставить в операционную. С ними были медсестра Чибудэм и медбрат Олсен. Мы прошли в коридор и увидели, как открываются двери лифта. – Я словно вернулась в прошлое: воспоминания замедленно прокручиваются у меня перед глазами, и я чувствую, как на шее и лбу выступает испарина и пересыхает во рту. – Из лифта вышел доктор Райс, и остальные начали заходить внутрь. Не успели они войти, как раздался оглушительный взрыв. Я, словно это происходит сейчас, слышу шум, чувствую давление, и в голове на мгновение возникает пустота...

– Мы можем продолжить завтра, доктор Харрис. У вас был долгий день и долгая ночь, – говорит детектив, но он не знает главного.

Завтра лучше не станет.

– Со мной все хорошо, – выдавливаю я и делаю глубокий вдох. Так сильно сжимаю кулаки, что ногти впиваются в ладонь. Я дрожу.

Никто ничего не говорит. Тишина, будто сама комната затаила дыхание, и мое кажется слишком громким... Детектив, откашлявшись, задает следующий вопрос, и я надеюсь быстрее закончить со всем этим.

– Во время дежурства вы не видели никого, кого не должно быть в отделении неотложной помощи или в коридорах, которые ведут к нему? Ничего странного или необычного? Подозрительного?

Задумываюсь.

– Нет. Я не заметила ничего такого, – отвечаю наконец, пытаюсь понять, к чему он клонит.

– Вы не знаете, кто-нибудь хотел навредить одному из пострадавших?

Я хмурюсь, переводя взгляд с доктора Гарднера на полицейского:

– Хотите сказать, взрыв не был несчастным случаем?

Полицейский выпячивает нижнюю губу и, поколебавшись, признается:

– Пока у нас нет оснований так полагать. После осмотра места взрыва подтвердилось, что причиной стал кислородный баллон, а не взрывное устройство или что-то еще. Но пока не ясно, как именно все произошло. Следствие продолжается. Кроме того, в ходе расследования всегда приходится рассматривать разные версии.

– Сейчас двумя наиболее вероятными причинами считаются неисправный клапан или остатки смазки, которые воспламенились, когда из баллона пошел воздух. Такое случается крайне редко, – объясняет доктор Гарднер, а потом резко замолкает, поджав губы. Похоже, ему нужно время, чтобы собраться с мыслями.

«Йен думает так же», – мелькает у меня в голове.

– Да, это редкий случай, – повторяет доктор Гарднер, а потом добавляет: – Но к сожалению, никто от него не застрахован.

Да, так и есть. Я испытала это на себе. И надеюсь, больше мне не придется пережить такое.

Господи боже, взрыв был случайностью, а не чьим-то злым умыслом. Никто его не планировал. Произошло то, что произошло, и я понятия не имею, как с этим справиться.

– Было столько дыма... настоящий ад... – шепчу я и с опозданием осознаю, что произношу эти слова вслух. Опускаю взгляд, пойманная врасплох, и прикусываю губу.

– Спасибо за помощь, – говорит полицейский и кивает нам: – Доктор Харрис, доктор Гарднер. Мы свяжемся с вами, если возникнут новые вопросы.

Он встает и выходит из кабинета. Мне снова становится холодно. Очень холодно.

– Доктор Харрис, я вызвал вас еще по одной причине: мне сообщили, что вы не собираетесь идти домой и остаетесь в больнице, в рабочей форме.

Доктор Гарднер внимательно смотрит на меня. На его лице сохраняется спокойное выражение, но я начинаю нервничать и ерзать на стуле.

– Я очень благодарен вам и доктору Коллинз за работу, но не понимаю: почему вы до сих пор в «Уайтстоуне»? Разве вы не слышали моих распоряжений?

– Вовсе нет. Слышала. Но решила провести выходной здесь, в больнице.

– Я понимаю, что вы, как и доктор Коллинз, хотели остаться и дожидаться новостей. Произшедшее стало для вас большим потрясением, это нелегко пережить, однако...

Не в силах сдержаться, смеюсь – негромко и сухо:

– При всем уважении, доктор Гарднер, не думаю, что вы и правда понимаете. – Понятия не имею, что на меня нашло. Слова доктора Гарднера прозвучали так, будто не случилось ничего особенного. Так, неприятность, но не страшная. А это не так. – Вы не видели, как взрывная волна отшвырнула моего друга в стену. Не слышали грохота и аварийного сигнала, не дышали дымом и не чувствовали запаха горелого мяса. Вам не пришлось обнаружить, что у пациента больше нет пульса, а у одного из ваших коллег – фибрилляция желудочков, и вы не тряслись от страха, потому что думали, что он будет не единственным. – Только сказав все это, понимаю, насколько разозлилась. Я сижу на краю стула, судорожно впившись пальцами в грязные, пропитанные потом штаны, и сказанное звенит у меня в ушах так, словно я прокричала это в мегафон.

Я должна бы извиниться – но в голову не приходит ни одной веской причины. Я имею в виду то, что говорю, каждое слово, и мне плевать, что передо мной начальник. Доктор Гарднер не представляет, что мы с Лорой пережили за последние несколько часов. К тому же я больше не ребенок, которому можно указывать, когда переодеваться, идти домой и ложиться спать. Я не хочу – не могу вернуться туда, где мной постоянно командуют.

Замерев, пытаюсь дышать спокойно, но у меня не очень получается. Особенно когда мой начальник наклоняется вперед, кладет локти на стол и сужает глаза:

– Боюсь, вы меня неправильно поняли, доктор Харрис. Я хотел сказать, что осознаю всю серьезность ситуации и считаю важным, чтобы врачи и медперсонал позаботились в том числе и о себе. Особенно вы, доктор Коллинз, доктор Джонс и доктор Аван. И не только потому, что вы четверо присутствовали при взрыве или прибыли на место происшествия первыми, но и потому, что вы здесь всего несколько месяцев и еще не полностью втянулись в рутину – физически и эмоционально, – завершает доктор Гарднер. Выражение его лица смягчается, но мне все равно кажется, будто я попала в тиски. Каждая клеточка моего тела напряжена. Лучше бы он накричал на меня, сделал выговор...

– Я беспокоюсь о вас. Разумеется, не могу диктовать, когда вам идти домой, – подчеркивает он, словно прочитав мои мысли, и это заставляет меня опустить взгляд.

Проклятье.

– Но я имею право определять, сколько вам работать, и направить на лечение в случае необходимости. Однако я бы не хотел этого делать. Если вы хотите кого-нибудь навестить или узнать о их состоянии, сделайте это. Всему остальному придется подождать. Кроме того, я могу корректировать ваши смены по своему усмотрению. Учитывая, что вы с доктором Коллинз – которая до сих пор не ответила на мои сообщения и наверняка находится сейчас в палате доктора Брукса – остались работать сверхурочно и ваш выходной уже начался, на завтра вы освобождены от дежурства. В воскресенье по плану у вас выходной. Иными словами, ваша следующая смена в понедельник утром.

Я собираюсь сказать «нет». Или закричать. Просто так. Мне трудно сформулировать хотя бы одну мысль. Кажется, еще немного – и мир рухнет и тогда я полностью осознаю, что на самом деле произошло.

– Я не могу уйти, – тихо произношу я. Чувствую, как нижняя губа начинает дрожать, и прикусываю ее.

– Как уже сказал, я очень благодарен вам за помощь – в первую очередь потому, что у нас нехватка квалифицированных врачей. Однако это моя проблема, а не ваша. Нам помогут ближайшие больницы, пока ситуация не стабилизируется. Вы тем временем отдохните.

Я не могу ни возразить, ни сказать что-то в ответ и закрываю на секунду глаза.

– И последнее. Вы наверняка в курсе, но мой долг – напомнить, что в корпусе «С» работают отличные психотерапевты. Если захотите поговорить о произошедшем или вам понадобится помощь, обратитесь к ним. Вы врач, поэтому не буду говорить о важности психического здоровья, о том, что каждому необходима поддержка и это не является признаком слабости.

Подняв взгляд, смотрю на доктора Гарднера: на его губах играет легкая улыбка, и я невольно улыбаюсь в ответ. Я благодарна ему за напоминание, что психологическая помощь – это совершенно нормально.

Но не стану объяснять, что справлюсь сама и что мне никто не нужен. Я киваю. «Вполне возможно, – шепчет голос на задворках сознания, – однажды я подумаю над его советом».

– Если у вас нет вопросов, вы свободны. Будьте так добры и переоденьтесь. Ваша смена давно кончилась.

* * *

«Мне лучше уйти», – думаю, оказавшись на месте. Не понимаю, как здесь очутилась и почему. Только что я была у доктора Гарднера, и вот уже стою, одетая в защитную одежду, в коридоре отделения интенсивной терапии ожоговой хирургии.

Я сжимаю и разжимаю руки в перчатках, тру покалывающие липкие пальцы и неотрывно смотрю через стекло.

Палата Митча похожа на ту, в которой лежит Нэш, только немного меньше и светлее: хотя тонкие шторы на окне задернуты, солнечный свет просачивается в комнату. У меня за спиной снуют люди, я слышу, как они переговариваются и спорят, как дают указания и отпускают шутки. Как беспокоятся. Я все слышу, и каждое слово напоминает мне о Митче. О том, как он выводил меня из себя и шутливо играл бровями, о дурацком оптимизме, который никогда не покидал его, о его смехе и озорной улыбке. О том, как он иногда смотрел на меня – так, что становилось не по себе. Он совершал ошибки, раздражал меня, подбирался слишком близко – а теперь он лежит там, за этим стеклом, и спит как ни в чем ни бывало. Но я знаю, что одеяло и больничный халат скрывают повязки, а под ними – ужасные раны.

На меня накатывают воспоминания, как мы с Лорой нашли Митча. Я вижу его на полу лифта, снова чувствую запах обгоревшей кожи и дыма и не могу дышать...

У меня вырывается всхлип, и я хватаюсь за горло, желая отвести взгляд, но он прикован к Митчу, и я ничего не могу сделать.

Почему это случилось?

Почему? Почему Нэш, Митч и остальные оказались в том злосчастном лифте? Почему, черт возьми, мне так больно?

– Проклятье, – выдавливаю я и с трудом сглатываю, пытаюсь проглотить ком в горле. Опираясь рукой о стекло, я наконец нахожу в себе силы отвести взгляд, избавиться от тяжелых мыслей и образов. Смотрю на свои ярко-голубые бахилы, надетые поверх кроссовок, которые давно перестали быть белыми. Они знают обо всем, что я видела и пережила за последние несколько часов, и напоминают, что я не сплю. И не могу ничего изменить.

Я не хочу плакать. После взрыва мне удавалось сдерживать себя даже в присутствии Лоры. За все это время ни одна слезинка не сбежала у меня по щеке, а теперь слезы текут и грязные кроссовки виноваты в этом? Это что, шутка?!

– Паршивая шутка, – бормочу, вытирая глаза ладонью, а мое тело дрожит, как дерево, на которое обрушилась буря.

Я всхлипываю. Меня это бесит. Плачу, и это еще хуже. Слезы не останавливаются, и я не могу сдвинуться с места, уйти – пожалуй, именно это злит меня больше всего.

Глава 5. Митч

Моргая, открываю глаза и поначалу абсолютно уверен, что нахожусь под водой, что плыву: все расплывается, тело кажется обманчиво легким. Почти невесомым. Но потом делаю глубокий вдох, вижу белый потолок над головой, и конечности становятся свинцово-тяжелыми. Нет, этого не может быть. Конечно, не может.

Я с трудом дышу, ощущая резкий запах, чувствую кожей тонкую ткань, вижу трубки, слышу тихий монотонный писк где-то рядом.

Более чем знакомая картина – но я отказываюсь признавать, что это правда. Невозможно, чтобы я лежал на больничной койке.

Что случилось? Я в «Уайтстоуне»? Или в другой больнице? Слегка поворачиваю голову и прищуриваюсь, чтобы видеть четче. Возле стекла кто-то стоит. Плечи сгорблены, тело бьет дрожь... Кажется, это женщина. Она что, плачет? И если да, почему здесь? На ней синий защитный комбинезон, такие не надевают в обычных палатах. Черт! Где я?

Женщина наклоняется, капюшон съезжает, из-под него выглядывают черные волосы. Длинная прядь спадает ей на лицо.

Растерявшись, снова моргаю. Я знаю ее. Сьерра?

Смотрю, сбитый с толку, и мне кажется, что все это мне снится. С какой стати я лежу на больничной койке? У меня нет причин быть здесь. С чего бы Сьерре плакать? Полная бессмыслица.

Я проваливаюсь в сон, и, когда открываю глаза, Сьерры нет. За стеклом никого. Неужели мне все привиделось? Или приснилось? Да, наверняка. Она никогда бы не стала плакать в больничном коридоре. И тем более – из-за меня.

Вздохнув, поворачиваю голову и чувствую такую боль, что морщусь и приоткрываю рот. Поднимаю руку и тут же вздрагиваю.

– Миерда²! – у меня вырывается стон, когда каждая клеточка тела взрывается болью. Зрение проясняется, и теперь я могу различить показания на стоящем рядом мониторе, белое постельное белье, трубки, тянущиеся от капельницы. Физраствор и обезболивающее. Тяжело дыша, смотрю на левую руку, на повязку, которая почти полностью ее закрывает.

«Но если это был лишь сон, – проносится у меня в голове, – почему я все еще лежу здесь?»

У меня пересыхает во рту. Как долго я нахожусь здесь? Не знаю. Меня бросает то в жар, то в холод, сердце стучит, как сумасшедшее. Кровать, боль, бинты... Как-то чересчур!

Считаю до трех, а потом откидываю одеяло и вижу, что у меня перебинтовано бедро. Уверен, повязок куда больше. Чувствую, как на лбу выступает испарина, мне не хватает воздуха и приходится дышать через рот. Мой взгляд прикован к бинтам, я смотрю на них и лихорадочно пытаюсь вспомнить, что случилось.

Было обычное дежурство, ничего особенного не происходило, мы шутили, а затем что-то... Зажмурившись, вспоминаю: пациент, лифт, взрыв... А потом? Что, черт возьми, было потом?

Меня захлестывает волна воспоминаний и вопросов.

Это не сон.

Я не плыву.

Я тону.

² Mierda (исп.) – Дерьмо!

Глава 6. Сьерра

– На кого ты похожа? Посмотри на себя! Ты работаешь в больнице или на стройке? – доносится до меня насмешливый голос мамы. Если бы у меня оставались силы, я бы развернулась и вышла за дверь. Но я едва держусь на ногах, поэтому прислоняюсь к стене возле гардероба и на несколько секунд закрываю глаза, чувствуя на себе ее сверлящий взгляд.

Меня не должны ранить мамины слова, но они как соль на открытую рану. Неужели она не видит, что мне плохо? Почему, черт возьми, она всегда так себя ведет? Почему за все эти годы я не научилась ее игнорировать?

И почему в глубине души у меня все еще тлеет надежда, что однажды она изменится?

Я вымотана. От меня воняет. Пропитанная потом и кровью туника липнет к коже. Воспоминания – образы, запахи, чувства, звуки, мысли – давят на меня, тяжелые как свинец, и мне приходится сдерживать тошноту. Смогу ли я когда-нибудь избавиться от запаха гари, который вьелся мне в волосы...

Я хотела принять душ и переодеться, прежде чем отправиться домой, но вместо этого пошла в отделение ожоговой хирургии, к палате Митча, а увидев его, чуть не разрыдалась. Последние силы оставили меня. Все, чего хотела, – это выбраться оттуда. Оказаться подальше от Митча, от всего, что произошло. Я взяла из шкафчика вещи, вышла из больницы и села в такси, игнорируя растерянное и испуганное выражение на лице водителя. Я представляла, как выгляжу.

Иногда я возвращаюсь домой пешком, но не сегодня. Удивительно, что я вообще смогла добраться до квартиры, несмотря на свое состояние.

– Слышала, что случилось. В новостях показывали. Раздули такую драму! – фыркает мама.

Поверить не могу, что приходится это выслушивать! Мама знает о взрыве, о том, что я могла оказаться среди пострадавших... и ей все равно.

– Умойся, ты выглядишь ужасно. Надо было послушаться моего совета, стать адвокатом или выйти замуж за мужчину, который бы тебя содержал. Теперь ты работаешь с утра до ночи, в постоянном стрессе. Вон, морщины уже появились! И ради чего?! Если бы прислушалась к моим словам, у тебя было бы меньше забот и положение в обществе!

Можно подумать, у адвокатов и домохозяек беззаботная жизнь.

Мамин голос звучит тепло, почти заботливо. Если бы не слова, может показаться, будто она подбадривает меня, говорит, что все будет хорошо. Впрочем, это не в ее стиле – и никогда не было. Мама думает, что ей не пришлось бы волноваться, если бы я ее слушалась. Она уверена, это мой долг – после всего, что она для меня сделала, чем пожертвовала. Она не говорит этого сейчас, но ей и не нужно. Последние несколько лет она повторяла это постоянно.

Мама осуждает меня – так было всегда. Она не устает рассказывать, как после незапланированной беременности ее жизнь пошла под откос. Если бы тогда она знала, чем все кончится, никогда бы не стала встречаться с моим отцом. Конечно, вся вина лежит на нем. А она никогда не виновата. Ей пришлось бросить институт и стать секретарем, а не адвокатом. Я же выбрала профессию врача, а значит, никто из нас не воплотил ее мечту...

Ужасное разочарование.

– Я вернусь поздно. Не жди.

Наверное, попытается подцепить богатого «папика» в каком-нибудь баре, но я не спрашиваю. Мне все равно, куда и зачем она идет: я рада любой передышке.

Мне снова приходит мысль, что я ни капельки не похожа на мать. Не унаследовала ни ее золотистых кудрей, ни острого носа, ни высокого роста и худощавого телосложения – чему очень рада.

В глубине души понимаю: наши отношения не спасти.

Она смотрит на меня, потом цокает, еще раз выражая разочарование, влезает в туфли на высоких каблуках, берет сумочку и указывает в сторону гостиной:

– На забудь прибраться. Квартира в ужасном состоянии.

Мама проходит мимо меня к выходу, и я тихо, чтобы она не услышала, бормочу:

– Да, потому что ты никогда не убираешься.

Но даже если бы она услышала, это ничего бы не изменило.

Дверь захлопывается, и я остаюсь одна.

Пять минут. Приди я домой пятью минутами позже – не пришлось бы выслушивать все это. Но мне не повезло, и теперь я чувствую себя еще хуже, чем прежде, хотя это кажется невозможным.

Не знаю, понимает ли мама, что своими замечаниями она ранит меня. Она твердит, что беспокоится, но я больше не могу этого терпеть. Я собираюсь съехать. Должна, потому что желание поладить с мамой и заслужить ее любовь не пересиливает желания избежать боли, которую она мне причиняет. Я хочу отдохнуть – от мамы, ее слов и осуждающих взглядов. Пусть даже это означает, что мне придется дольше выплачивать кредит за учебу и потуже затянуть пояс. Я справлюсь. Оно того стоит. В одном абсолютно уверена: беспокойство за свою дочь выглядит иначе. Недостаточно повторять, что «беспокоишься», – нужно подкреплять слова действиями, чего мама не делает. По крайней мере, в последнее время. Хотя в общем-то никогда не делала. Я оставалась с ней, потому что надеялась: когда-нибудь это изменится и все наладится... или однажды мне станет все равно. Но сегодня особенно больно осознавать, что мои мечты так и остаются мечтами. Что наши с мамой отношения нельзя назвать ни близкими, ни сердечными, и мое безразличие – всего лишь защитная реакция. Ужасно, но я часто спрашиваю себя: полюбит ли меня кто-нибудь, если даже маме плевать на меня?

Вместо того чтобы идти домой, я как минимум раз в неделю ночую в больнице – и это помимо ночных дежурств. Лишь бы не возвращаться сюда и не встречаться с мамой. Чудо, что это еще не заметили. Даже Лора не знает. А две недели назад я сняла номер в гостинице, что делала не в первый раз.

Тру глаза.

Да, я найду себе другую квартиру. Но не сейчас. Не сегодня. Завтра, может, послезавтра. Когда приведу себя в порядок, заглушу воспоминания и немного посплю.

Сегодня понедельник. За выходные я почти не видела маму. Повезло. Я надеялась, что многочасовой сон пойдет мне на пользу, но чувствую себя так, будто и не ложилась в кровать. Мне снились кошмары. В последний раз кошмары мучили меня перед выпуском из медицинской школы, когда я боялась провалить экзамены. Я долго не могла добиться результатов, которые бы отвечали моим ожиданиям, и это меня убивало. Не думала, что буду страдать из-за страшных снов, но оказывается, они бывают не только у детей. Кошмары – жадные маленькие чудовища, которые вонзают острые коготки в каждый твой страх, каким бы незначительным он ни был, заставляя его расти и набирать силу, – и чем хуже тебе становится, тем чудовища довольнее. Кошмарам все равно, сколько тебе лет, откуда ты и чем занимаешься, – они найдут и поглотят тебя.

Господи боже... Все выходит из-под контроля.

Я снова стою перед палатой Митча и проклинаю себя за это. Жалюзи опущены, мне ничего не видно, но я не могу заставить себя войти внутрь. До чего смешно. Смешно и нелепо.

Снимаю шапочку, кладу ее в карман вместе с маской и вздыхаю.

Интересно, что бы подумал Митч, если бы знал, что я стою здесь, не решаясь войти?

– Вам помочь?

Вздвигнув, резко поворачиваюсь и вижу одного из врачей. Он на голову выше меня. Узкие губы, короткие темно-каштановые волосы, светло-карие глаза, скептический и в то же время теплый взгляд. Он держится уверенно. «Доктор Томас» – написано на бейджике.

– Это вы – лечащий врач Митча?

Он слегка расправляет плечи.

– Верно. Доктор Ривера – мой пациент.

В голове у меня начинают крутиться шестеренки. Значит, это с ним говорила по телефону Софи. Она назвала его Итаном, если память мне не изменяет.

– Софи права, вы должны были позвонить, как только Митча перевели из операционной! – Слова слетают с языка прежде, чем успеваю подумать. Но доктор Томас тихо смеется, а значит, все не так плохо.

– Я главный врач отделения комбустиологии, а не справочная и не простой медбрат, – отсмеявшись, говорит он серьезно.

– Хорошо.

– Хорошо? – повторяет доктор Томас, озадаченно приподняв брови.

– Я передам ваши слова Софи, простой медсестре, – сухо говорю я, подозревая, что для него это важно. Важнее, чем он готов признать.

Выражение его лица подтверждает мою догадку.

– Откуда вы знаете Софи? – прищурившись, интересуется он. – Как, вы сказали, вас зовут?

– Я не говорила. – Я еще не переделалась в рабочую форму, и под защитным комбинезоном на мне старые джинсы и выцветшая желтая рубашка, на ногах – любимые туфли. Ему не узнать, что я работаю здесь. – Мне пора. Позаботьтесь о нем.

Поколебавшись, направляюсь к выходу.

– Вы не хотите спросить, как у него дела?

Резко останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Смотрю прямо перед собой и сжимаю руки в кулаки.

– Разве вы не за этим сюда пришли?

Мои ноги не двигаются. Я не могу уйти. Ощущение, будто застряла в болоте. Перед глазами залитое кровью лицо Митча, в ушах звучат отчаянный голос Лоры и грохот динамиков из отделения неотложной помощи. Я вспоминаю об умершем Джордже, раненых Нэше, Лише и Йене.

Я превращаюсь в бомбу замедленного действия.

Задышавшись, смотрю в потолок, а потом делаю глубокий вдох и опускаю голову. Да, мне хочется спросить: как у него дела? он в порядке? худшее позади? как прошла операция? насколько сильно повреждены ткани? сколько процентов кожи придется пересадить? о нем хорошо позаботились? быстро оказали помощь? Но не могу выдать ни слова, только пытаюсь убедить себя, что все в порядке. Что происходящее – кошмарный сон, который затянулся.

– У него обширные ожоги второй степени, но раны заживают хорошо. Если хотите узнать больше, вам придется представиться. – Последние слова звучат твердо. А ведь доктор Томас вообще не должен был раскрывать мне информацию о состоянии Митча! Понятия не имею, почему он это сделал...

Ожоги второй степени. Значит, мое предположение оказалось верным. Меня бросает в жар, и внутренности словно завязываются в узел.

– Ему что-нибудь передать? – спрашивает доктор Томас, и я моргаю.

Полный сочувствия голос, вопрос... Этого еще не хватало!

– Нет необходимости, – выдавливаю я, пытаясь сохранить хотя бы частицу достоинства, но, сделав несколько шагов, перехожу на бег и мчусь к лифту, мечтая оказаться подальше отсюда.

Подальше, подальше, подальше.

Кнопка загорается. Только когда закрываются двери, я снова могу нормально дышать. Я с такой силой сжимаю поручень, что у меня белеют костяшки пальцев. Лифт едет с третьего этажа на первый, откуда я пройду в главное здание.

Митч в порядке. Его перевели из операционной. Самое худшее позади. Больше не придется ходить в соседний корпус и стоять посреди отделения комбустиологии, гипнотизируя взглядом дверь в палату Митча.

Такие ожоги, как у него, обычно заживают за три-пять недель. Конечно, останутся шрамы, но было бы хуже, если...

– Возьми себя в руки, Сьерра, – произношу самую бесполезную фразу всех времен и народов, радуясь, что нахожусь в лифте одна. – Ты врач. Человек пострадал, ты оказала ему помощь, на этом все. Ты сделала свою работу. В отделении неотложки ты и не такое видела, поэтому возьми себя в руки.

Дзинь!

Выйдя из лифта, спешу в главный корпус, чтобы не опоздать к началу смены. У меня потеют руки, а сердце колотится так, словно я пробежала марафон.

Захожу в раздевалку. Коллеги, готовясь к дежурству, переодеваются и разговаривают.

Встав перед своим шкафчиком, делаю глубокий вдох, чтобы справиться с подкатывающей к горлу тошнотой и отогнать мысли о Митче, о взрыве.

Вот и все.

– Вот и все, – повторяю и вздрагиваю, когда кто-то рядом неожиданно спрашивает:

– Что все? Твоя смена? А я думала, мы сегодня дежури́м вместе.

– Черт, Мэйси! Ты меня напугала!

Взглянув на нее, вынуждена признать, что в отличие от меня она выглядит неплохо – несмотря на отсутствие макияжа, о чем говорят многочисленные веснушки на ее лице. Ярко-красные очки, розоватые щеки, волосы собраны в небрежный пучок. Цвет ее волос всегда напоминал мне черный кофе, в который капнули немного молока.

– Извини, я не хотела. – Она поднимает руку, в которой держит потрепанную книгу. Похоже на детектив или триллер, но названия разобрать не могу. – Я читала и теперь готовлюсь к смене. Хотела поздороваться и спросить, как дела. Ты выглядела немного рассеянной и... – Она пожимает плечами. – Последние дни были тяжелыми.

– Да, знаю. – Пока мы разговариваем, я надеваю тунику. Халат остается в шкафчике – сегодня обойдусь без него. Понятия не имею, почему Лора так любит халаты... Меня они раздражают, я ношу их только во время обходов, чтобы произвести хорошее впечатление на главврача.

– Лора сегодня работает? – спрашиваю, потому что не успела посмотреть расписание.

– Думаю, нет. Кажется, она взяла еще один выходной и выйдет только завтра. Говорят, доктор Брукс чувствует себя намного лучше, а доктора Райса вообще выписали.

– Йена выписали? – переспрашиваю удивленно и, убрав пейджер в карман, запираю шкафчик.

Мэйси кивает:

– Да. Но это еще не все: он уже вернулся к работе.

У меня вырывается смешок. Йен спятил. Судя по всему, он не только вырвался из плена демонической медсестры Тори и выписал себя сам, но и решил пойти дальше. Кто бы мог подумать, что это возможно.

– Что у него было? Легкая черепно-мозговая травма, синяки и ушибы? Не прошло и четырех дней! Он должен отдыхать. Я думала, его освободили от обязанностей?

Вот же сукин сын. Наверное, я так бешусь из-за того, что Йену разрешили выписаться и вернуться к работе, в то время как меня почти заставили взять дополнительный выходной, чтобы прийти в себя.

– О ком речь? – интересуется Зина, присоединяясь к нам.

– О Йене, – отвечаю и пересказываю то, что узнала от Мэйси.

– Я не удивлена, – посмеиваясь, говорит Зина. – Рада, что все пострадавшие идут на поправку.

«Похоже, Зина снова в норме», – думаю я, наблюдая за ней. Может, спросить, как она справляется? Но расскажет ли она правду?

– И еще кое-что, – взволнованно продолжает Мэйси, вырывая меня из размышлений. – Митч, наверное, уже пришел в сознание. Через несколько недель ожоги затянутся настолько, что можно будет снять бинты и выписать его.

При упоминании Митча у меня перехватывает дыхание. Не хочу думать – ни о нем, ни о его ранах, которые медленно превращаются в шрамы.

– Отлично, – отвечаю отрывисто, завершая разговор. – Быстрее, Мэйси, а то опоздаешь. Я пойду. Скоро увидимся.

Не дожидаясь ответа, отворачиваюсь от Мэйси с Зиной и, пройдя мимо занятых своими делами коллег, выхожу из комнаты и спешу в отделение.

Сегодня смена Изабеллы Дейнс, которую мы все называем Беллой. Я вижу ее за стойкой в приемной кардиохирургии.

– Привет, Сьерра. Хочешь кофе? – спрашивает она, окидывая меня обеспокоенным взглядом.

– Нет, спасибо. Можешь глянуть, не появились ли новые распоряжения? У меня был выходной, и я не в курсе событий.

– Конечно, подожди минутку.

– Привет, малышка! – раздается веселый голос, и рядом появляется Грант. Он смотрит на меня даже пристальнее, чем Белла. Это раздражает.

– Ты пытаешься прорентгенить меня взглядом или что?

– Возможно. Чтобы решить, стоит ли спрашивать, как у тебя дела.

– Побереги силы, – бормочу, прислонившись к стойке.

Белла углубляется в поиски. Понятия не имею, что она ищет. Вся необходимая информация должна быть у нее в компьютере.

– Хорошо, тогда сменим тему. Ты уже слышала, что скоро здесь появится свежее мясо?

– Грант, я не Лора и не понимаю твоего странного сленга.

Грант смеется – а ведь я не шутила.

– Говорят, что к нам приняли новых врачей – специалистов по травматологии, кардио- и торакальной хирургии. И кто знает, может, по чему-то еще.

– Вы с Мэйси похожи на уведомления, которые невозможно отключить.

– Приму за комплимент.

Грант небрежно проводит рукой по волосам и смотрит куда-то мимо меня. Проследив за его взглядом, вижу Мэйси и Зину, которые тоже заступают на смену.

– Красный ей идет, – бормочет Грант.

Повернувшись к нему, с улыбкой спрашиваю:

– Мэйси, значит?

Но Грант даже не меняется в лице.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Вы встречаетесь? Или хотя бы разговариваете друг с другом? Или ты сталкеришь ее? – спокойно интересуюсь, потому что на самом деле... мне все равно. Хотя то, как щеки Гранта

внезапно заливаются нежным румянцем, – зрелище интересное. – Да ты влюбился по уши! Скоро «Уайтстоун» из больницы превратится в агентство знакомств.

– Кто бы говорил, – возражает он, вставая рядом со мной и опираясь на стойку. – Посмотри на себя и своего прекрасного принца!

Смеюсь:

– И кто же прекрасный принц? Я его знаю? Или это один из предполагаемых новых врачей?

– Я говорю о Ривере.

– Это Ривера прекрасный принц? Что, серьезно? Так ты называешь нашего недотепу?

Грант нахально ухмыляется:

– Ах, дорогая, мы оба прекрасно знаем, что этот парень на многое способен.

– Да, особенно болтать и выводить меня из себя, – отзываюсь я. – Тебе что, нечем заняться? И куда подевалась Белла?

– Ты уже ходила к нему?

– Нет. – Ложь, и в то же время не совсем. – А ты уже поговорил с Мэйси? – пытаюсь сменить тему и облегченно вздыхаю, когда к нам возвращается Белла со стопкой документов в руках.

– Не совсем. Дашь какой-нибудь совет? – спрашивает Грант, и, к моему удивлению, он говорит серьезно. В его голосе нет ни насмешки, ни притворной бравады.

– Будь собой. Даже если это сложно. Иначе все закончится, не начавшись.

– Я... – начинает Грант, но, к счастью, его прерывает Белла, которая с громким хлопком кладет передо мной документы.

Зачем я вообще ответила? Какое мне дело до этой любовной чепухи? Мой опыт ограничивается сексом без обязательств. У меня никогда не было нормальных отношений – они мне и не нужны. Я не создана для такого. Не заслуживаю. Интересно, как мне в голову пришел такой банальный совет? Пожалуй, я слишком много времени провожу с Лорой...

– Прости, у нас здесь хаос. – Белла откидывает с лица прядь волос и, нахмурившись, добавляет: – Надеюсь, руководство наймет новых медбратьев или медсестер.

– Пока речь только о врачах, – отзывается Грант. – В конце концов, кому нужны медбратья и медсестры? – усмехается он, и Белла вздыхает. – К тому же «Уайтстоун» – это и коммерческое предприятие, а последние два года дела шли не очень хорошо. Доктор Гарднер делает все возможное, но... Что сказать? Он не главный босс.

– К этому давно шло. Нам не хватает рабочих рук, когда кто-то из врачей не выходит на смену. Когда случается что-то вроде... – Белла замолкает, и я отвожу взгляд. – В общем, при первой возможности поговорю с Нэшем. После того, как он поправится. Возможно, у него есть какие-то мысли, – уверенно говорит Белла, и Грант кивает. Белла с улыбкой поворачивается ко мне. – Здесь все документы, которые тебе нужны. Смены немного перепутаны, приходится работать сверхурочно.

– Ничего страшного. Спасибо. – Взяв бумаги, отступаю в сторону и пробегаюсь по ним взглядом.

Я справлюсь. Сделаю все возможное и не позволю ничему меня отвлечь.

Ничему... и никому.

Глава 7. Митч

– И как мы чувствуем себя сегодня?

– Не знаю, как чувствуете себя вы, но у меня бывали времена и получше, – отвечаю я, наконец понимая, почему люди, которым приходится лежать на больничной койке, ненавидят этот вопрос.

– Тогда у меня меньше поводов для беспокойства, чем думал. Замечательно. Кроме того, сегодня вы бодрствуете дольше. Это хороший знак.

Доктор Томас что-то записывает в моей карте, резко захлопывает папку и убирает ее под мышку. Он стоит у кровати, смотря на меня изучающим взглядом. До чего же бесит...

– После всего, что между нами было, я вам теперь ближе, чем мать родная. Давайте не будем тратить время на болтовню и примем душ?

– Как красноречиво, – усмехаюсь я. – Сколько раз вы повторяли эту фразу?

Доктор Томас наклоняет голову.

– Один или два, – говорит он, прежде чем улыбнуться мне в ответ. – Меня зовут Итан.

– Меня – Митч.

– Знаю, – подмигивает он, помахивая папкой с моей медкартой.

Раздается стук в дверь, и на пороге появляются медбрат с медсестрой. Поздоровавшись, они подходят к нам.

– Это Кайя и Сэм. Они проводят тебя в ванную комнату и помогут сменить повязку, – говорит Итан.

Медсестра, улыбаясь, закатывает глаза, и они с Сэмом принимают за работу. Они одеты в защитные комбинезоны, чтобы не занести инфекцию в мои раны. Итан тем временем откладывает папку, дезинфицирует руки и надевает перчатки, после чего, подойдя, склоняется надо мной.

– Я тоже хочу взглянуть. Вчера раны выглядели хорошо, даже там, где были глубокие повреждения.

Сажусь прямее, и Итан помогает мне снять больничную распашонку. Отвожу взгляд. Кайя подходит, и они начинают разматывать бинты. Сэм садится на кровать с другой стороны.

Не могу смотреть. А ведь это мое тело, мои раны. Кроме того, я врач.

– Твоя мама снова звонила. Я сказал, что ты нуждаешься в отдыхе и позвонишь, как только придешь в себя. У меня получилось ее немного успокоить, – говорит Итан, и я сжимаю губы. – Мы зарядили твой телефон. Надеюсь, ты не против. Она перезвонит, если ты не сделаешь этого раньше.

– Спасибо. – Чувствую себя паршиво из-за того, что до сих пор игнорировал мамины звонки.

Миерда.

Она беспокоится обо мне. Беспокоится из-за меня...

– Я позвоню ей, как только мы закончим.

– Хорошо, потому что эта женщина ужасно упрямая, – бормочет Итан, и я чувствую прохладное прикосновение воздуха в местах, освобожденных от бинтов. Наконец повязка полностью снята. – Плечо заживает превосходно. Тем не менее напомним, что мы находимся в самом начале пути.

Чувствую, что Итан принимается за бинты, которыми замотана моя грудь, и, чтобы помочь ему, наклоняюсь вперед насколько могу.

Закрываю глаза. Возможно, потому, что боюсь. Боюсь не выдержать того, что увижу. Не узнать себя. Боюсь боли.

– Понаблюдайте за этими ожогами. Завтра осмотрите их снова, – спокойно говорит Итан, обращаясь к Кайе, которая вместе с Сэмом поддерживает меня, потому что мне с трудом удается сохранять вертикальное положение. До чего же я жалок...

– Ожоги покрывают не только руку, но, что страшнее, почти всю левую часть корпуса, плечо и бедро. Операция прошла прекрасно – без осложнений, без сюрпризов, и мы делаем все возможное, чтобы рубцовая ткань хорошо заживала. Пока лучше соблюдать осторожность. Приток крови к поврежденной коже нарушен, иммунная защита снижена, и тело более восприимчиво к инфекциям. Струпья становятся благоприятной средой для развития инфекций. Вот почему я очень доволен настоящим результатом. Часть ожогов должна зажить через шестьдесят дней, от них шрамов не останется. Другим же...

Открыв глаза, смотрю на Итана и жду, хотя прекрасно знаю, что он скажет.

– Другим ожогам потребуется до пяти недель, и на их месте появится рубцовая ткань. Тебе повезло, что ожоги второй степени, а не третьей. Хоть что-то хорошее. – Итан взмахивает рукой. – Остальные травмы не дают повода для беспокойства. Тебе больно? Нужно увеличить дозу лекарств? Или, может, хочешь с кем-то поговорить о случившемся? Привести кого-нибудь?

Качаю головой и шумно вдыхаю: меня разбинтовали. Странное ощущение. И неприятно, и жарко, и холодно. И в то же время... ничего. В некоторых местах кожа онемела. Будто от меня отрезали куски.

– Терпимо. Я просто устал, – говорю, буравя взглядом белую стену, и с трудом сглатываю.

– Хорошо. После того, как Кайя с Сэмом закончат, тебя ждет осмотр – нужно убедиться, что все показатели в норме. Если что, нажми на кнопку.

Заставляю себя кивнуть ему на прощание. На пороге Итан оборачивается:

– Кстати, Митч...

Смотрю на него.

– Ты, случайно, не знаешь девушку вот такого роста, – он обозначает рост себе по плечи, – с черными волосами, горящим взглядом и острым язычком?

Сьерра первая, кто приходит мне на ум, и я фыркаю от смеха.

– Почему спрашиваешь?

– Эта девушка стояла перед твоей палатой. Она отказалась себя называть и не захотела входить. Мне было любопытно, потому что она...

– ...ужасно темпераментная?

– ...ужасно нахальная, – поправляет Итан, и теперь я полностью уверен, что речь о Сьерре. Она была здесь. Снова. Значит, мне не приснилось...

– Спасибо, что сказал. Эта девушка... моя коллега.

Брови Итана взлетают вверх.

– Она казалась взволнованной. Ну... в своем роде. – Последние слова он бормочет. Учтивая, что на нем маска, мне с трудом удается их разобрать.

– Да, – с улыбкой вздыхаю я, а потом чуть громче добавляю: – Молись, чтобы она этого не услышала.

– Хорошо. А пока отдыхай.

Итан выходит из палаты, а я слишком устал, чтобы что-то сказать.

Сьерра приходила сюда.

Улыбаюсь, но через секунду лицо искривляется гримасой. Кайя и Сэм занимаются моими ожогами, и их прикосновения причиняют куда больше боли, чем ожидал. Интересно, зачем Сьерра сюда приходила. И почему не вошла в палату. Как она? Во время взрыва ее не было в лифте и рядом с ним. Неужели она первой пришла на помощь?

Неужели... видела меня?

Глава 8. Сьерра

Смена подходит к концу. Не верится, что скоро все... Руки и ноги словно свинцом налились, глаза опухли и покраснели. Я устала и опустошена. Приятное чувство. В голове не осталось мыслей...

– Если вам что-нибудь понадобится, нажмите на кнопку вызова медсестры. И, прошу вас, господин Вольф, прекратите раздеваться догола. Все-таки мы находимся в больнице. – Не говоря уже о том, что никто не хочет видеть его болтающийся пенис, который, словно маятник, бьет по низко висящим бубенцам. Хотя и не многим удалось избежать этого зрелища. Вслух я об этом не говорю.

– Таким меня создал Бог, – возмущенно возражает господин Вольф, скрещивая руки на животе.

Я не верю в Бога, впрочем, это тоже держу при себе. Я отвечаю сдержанно:

– Если на то будет воля Бога – или доктора Пайна, – завтра после контрольного обследования вас выпишут. Стент установлен, операция прошла хорошо, швы выглядят прекрасно. Нет никаких причин оставлять вас в больнице. Но пока вы здесь, будьте добры оставаться в рубашке. Или по крайней мере в штанах.

Софи сказала, что не скоро забудет, как вошла в палату и увидела следующую картину: семидесятилетний пациент, который занимается йогой обнаженным. Он согнулся, выпятил зад и, смотря между расставленных ног, с улыбкой пожелал ей доброго утра.

Скривившись, господин Вольф что-то бурчит. Я расцениваю это как согласие и, попрощавшись, выхожу из палаты.

Последние несколько часов не могла думать о вещах, которые меня беспокоят. Нужно было полностью сосредоточиться на работе. Прошедшая операция заставила меня выложиться на все сто и поволноваться – пусть это и не была сложная операция на сердце. Я позаботилась обо всех закрепленных за мной пациентах и проинструктировала медперсонал. Белла не увеличивала: работы стало намного больше – и это притом что в нашем отделении сегодня не хватало всего троих. Хотя то же самое можно сказать о терапевтическом и торакальном отделениях. Больше пациентов, меньше врачей. У-у-уф.

Мой шкафчик открыт. Халат, стетоскоп и остальные вещи убраны внутрь. Я готова. Но не двигаюсь с места.

Что лучше? Принять душ и отправиться в отель? Остаться здесь? Или все-таки поехать домой? Ни один из вариантов не кажется правильным, поэтому закрываю дверцу и сажусь за стол, который стоит у стены неподалеку от двери. Достав телефон, начинаю искать квартиры в этом районе. Нет, поправка: начинаю искать дешевые квартиры. Не проходит и десяти минут, как мне хочется кричать и плакать от отчаяния.

К тому времени как дверь открывается и Мэйси, зевая, вваливается внутрь, я на грани того, чтобы швырнуть телефон в стену.

– Привет, – бормочет Мэйси, садясь рядом. Она с трудом держит глаза открытыми.

– Выглядишь ужасно, – говорю я, откидываясь на спинку стула.

– Спасибо, и ты.

– Кончай зевать, а не то мы весь вечер только этим и будем заниматься.

– Не могу, – отзывается она и снова зевает. – Я без сил. Ни капельки не осталось. А мне еще надо заглянуть в неотложку, потому что один из врачей на больничном, а другая не вернулась из отпуска. Застряла в аэропорту на Аляске.

– Кто едет в отпуск на Аляску?!

– Почему бы и нет? Солнца и жары нам и здесь хватает.

– Да, пожалуй, – соглашаюсь я, устало потирая глаза.

– А ты почему все еще здесь?
– Честно говоря, я искала квартиру.
– Правда? – удивляется Мэйси, немедленно приходя в себя и наострив уши.
– Да? – растерянно встречаю ее радостный взгляд.
– Я тоже в поисках!
– И чему ты радуешься? Ты видела цены на жилье в центре? Платить столько денег за место, где в лучшем случае будешь только есть и спать, – это немыслимо!

Мэйси морщится:

– Знаю. Но время, которое уходит на дорогу с работы и обратно, более немыслимо. – Она прикусывает нижнюю губу и задумчиво прищуривается. Мне это не нравится.

– Почему ты так смотришь на меня?

– Ты любишь одиночество?

– Да. Ненавижу людей, – сухо отвечаю я, скрещивая руки на груди. Мой ответ вызывает у Мэйси смех.

– Что ж, тогда ты выбрала идеальную работу.

– Это другое.

– Не думаю, что ты ненавидишь людей. И я тебе наверняка нравлюсь. Почему бы нам не съехаться? – вдруг спрашивает она с энтузиазмом.

У меня уходит несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное. Я указываю на нее, потом на себя:

– Ты хочешь жить со мной? В одной квартире?

– В точку, – кивает Мэйси. – Так будет намного дешевле. К тому же мы сможем ездить вместе на работу, когда у нас будут совпадать смены.

Я думаю о ценах на квартиры, которые только что смотрела, о кредите, о балансе на счете и о том, что мама убивает мои последние нервные клетки. Я впиваюсь взглядом в Мэйси:

– Какой у тебя любимый цвет?

– Я все цвета люблю! Особенно яркие. Поэтому и ношу очки с разными оправками. Ты наверняка заметила.

– Идеальным ответом было бы «черный», – со вздохом отвечаю я.

– Пфф! Черный – это не цвет. Ладно, теперь моя очередь задавать вопросы. Музыка с наушниками или без?

– С наушниками. Всегда.

– Очень хорошо, я тоже. Мы прекрасно подходим друг другу, видишь?

– Нет, – отвечаю я, но у меня на губах появляется улыбка.

– Со мной легко ужиться. Я люблю готовить и не торчу подолгу в ванной комнате, если, конечно, не принимаю ванну.

– В чем подвох? – Я наклоняюсь вперед, опираясь локтями о стол.

– Я пою в душе. И в ванной. Я вообще люблю петь. А еще... Э-э... на этом все, наверное?

– Еще ты любишь поговорить.

– А ты нет?

– У нас ничего не выйдет.

Порываюсь встать, но Мэйси вскакивает и останавливает меня:

– Подожди! Я умею молчать. Я буду супертихой. Большую часть времени. По крайней мере иногда.

– О-о-о-ох...

Есть ли у меня выбор? Честно говоря, Мэйси может быть не такой уж плохой соседкой. Она слишком энергичная, но милая и добрая.

– Хорошо.

– Что?! – выкрикивает она.

Смотрю на нее во все глаза:

– Разве минуту назад ты не умирала от усталости?

– Значит, мы вместе ищем жилье?

– Да. Но, думаю, аренда все равно будет довольно высокой. – У меня вырывается стон. Закрыв глаза, бормочу: – Не могу поверить, что говорю это, но... возможно, нам придется поискать еще одного соседа или соседку.

– Без проблем! Я беру это на себя. Может, спросить Джейн? А еще я займусь поиском квартиры. Предоставь все мне. – Мэйси переполняет такой энтузиазм, что кажется, она вот-вот лопнет.

– Уверена?

– Конечно. Сделаю все в лучшем виде. Спасибо, Сьерра. Это будет здорово. Я чувствую. Что ж, по крайней мере, одна из нас настроена оптимистично.

Сегодня у меня нет отговорок и оправданий. Я здесь, потому что сама так решила. А еще потому, что не знала, куда идти.

– Приемные часы закончились, – говорит, смерив меня неодобрительным взглядом, медсестра, на которую я натываюсь.

Под капюшоном защитного костюма мои волосы еще влажные после душа. Не самое приятное ощущение. Руки под перчатками потеют, а дыхание неровное. А ведь я только вошла в отделение интенсивной терапии.

– Да, знаю... Извините за беспокойство. Моя смена только что закончилась, и я... – Мой взгляд скользит в сторону палаты Митча. Откашлявшись, выдавливаю: – Я хотела узнать о состоянии коллеги. Его зовут доктор Митч Ривера. – Взгляд медсестры смягчается. – Я Сьерра Харрис, интерн из отделения кардиохирургии.

– Вот оно что, – говорит она.

– Если настаивайте, я уйду, но мне бы хотелось... мне бы хотелось... – Вот черт! Почему у меня срывается голос? И именно сейчас? Неужели другого времени выбрать не мог? Что со мной не так?

Вдох. Выдох.

Эти слова – как мантра. Повторяю ее про себя снова и снова. Вдох. Выдох.

– Сейчас одиннадцать. Доктор Ривера уже спит.

– Он в порядке?

Медсестра молчит.

– Вы там были? – наконец спрашивает она сочувственно, и я сразу понимаю, о чем речь. Киваю.

– Я нашла его, – опустив взгляд, объясняю сдавленным голосом.

– Проходите, – с тихим вздохом говорит медсестра. – Если спросят, я вас не видела. Хорошо, что вы уже надели защитный костюм. – Она улыбается и кивком указывает на палату Митча.

– Спасибо, – шепотом отзываюсь я. Давно никого не благодарила так искренне.

Понятия не имею, что со мной происходит и что заставило меня прийти, но я об этом не думаю. Ноги сами несут меня к Митчу, и мои мысли обращаются к Лоре. Знаю, что с ней все хорошо, и с Нэшем тоже. Я прочитала ее сообщение после разговора с Мэйси и быстро ответила. С Йеном я больше не сталкивалась, но за него не беспокоюсь. Уверена, Йен в порядке.

Я неожиданно оказываюсь перед палатой Митча. Берусь за дверную ручку и вхожу. Сердце колотится так громко, что кажется, разбудит Митча, если будет продолжать в том же духе.

Небольшой ночник, горящий над кроватью, освещает комнату тусклым светом – как и монитор. Митч подключен к капельнице, из которой в его кровь поступают болеутоляющее и

физраствор. Он лежит на специальном матрасе для ожоговых больных, на специальных простынях. Слышу его дыхание, его сопение, и у меня сжимается сердце. На цыпочках прохожу через палату, беру стоящий у стены стул и осторожно ставлю перед кроватью. Опустив сумку на пол, сажусь и смотрю на Митча. Половина его лица находится в тени. Он кажется умиротворенным, но через мгновение замечаю капли пота у него на лбу. Он приоткрывает рот, его дыхание становится тяжелым, а веки подрагивают, как во время кошмара. Он напряжен. Приношу из уборной влажное полотенце и вытираю его лоб, пытаюсь охладить кожу, нежно провожу по вискам и щекам, молясь, чтобы он не проснулся от моих прикосновений.

Закончив, откладываю полотенце в сторону и сажусь, опираясь локтями о край кровати. Митч лежит так, что я вижу необожженную сторону его тела. Я не собираюсь задерживаться, но на минуту-две могу остаться. Как-никак сегодня первый и, скорее всего, последний раз, когда я набралась смелости войти в палату Митча. Думаю, что задолжала ему – и самой себе – этот единственный визит.

То ли мне кажется, то ли сегодняшний день был тяжелее предыдущих (включая тот, о котором мечтаю забыть)... Не имеет значения. Усталость накрывает меня, как теплое одеяло, и придавливает к земле.

Я устала, у меня нет сил. Снова. По-прежнему.

Мне грустно, пусть я и не хочу грустить.

На глаза наворачиваются слезы. Не понимаю, почему это происходит снова... Неужели стоило один раз расклеиться, и все – теперь я буду рыдать по поводу и без?

У меня вырывается всхлип. Торопливо зажимаю рот, чтобы сдержать следующий. Я проклиная свои слезы и рыдания, дурацкое чувство, которое возникает внутри, в груди и животе.

Не смею пошевелиться, чтобы не разбудить Митча. Хотя смотреть на него так больно, что тяжело сдержаться.

Я должна была находиться в том лифте. Почему моя смена закончилась? Почему не я занималась тем пациентом? Почему от взрыва пострадал Митч – а еще Нэш и Йен? Джордж и Лиша?

Почему не я, черт возьми?!

Я не могу избавиться от этих иррациональных мыслей, не могу выбросить их из головы и отчаянно спрашиваю себя: «Почему?», вытирая тыльной стороной ладони слезы.

Мне пришлось много трудиться, чтобы окончить медицинский, получить диплом и место в этой больнице. Я отстаивала свои права, противостояла маме и одновременно пыталась наладить с ней отношения. Поначалу мои оценки оставляли желать лучшего, приходилось брать усидчивостью, потому что теорию я запоминала медленнее остальных. Это меня убивало. Особенно с учетом того, что я мечтала стать лучшей. Хотела почувствовать свою ценность. Однажды посмотреть в зеркало и сказать: «Я – доктор Сьерра Харрис, я выложилась на все сто и заслужила самого лучшего, я нравлюсь себе такой, какая есть».

Перед началом работы в «Уайтстоуне» я пообещала себе не отвлекаться ни на кого и ни на что, не поддаваться чувствам и не заводить друзей. Я собиралась только работать, причем работать хорошо. Остальное отнимает время и причиняет боль, отдаляя от цели.

Стоит об этом подумать, как у меня вырывается полувсхлип-полусмешок, слишком тихий, чтобы разбудить Митча. Ну да. Прошло несколько месяцев – и вот я рыдаю у постели коллеги, который, возможно, стал мне другом, и не понимаю, как ситуация вышла из-под контроля. Что ж, я идеально следуя плану, ничего не скажешь...

Будильник сводит меня с ума. Почему он такой громкий и как долго звенит?

Не открывая глаз, со стоном протягиваю руку, чтобы выключить его. Чувствую, как напряжена шея и болит спина. Все болит.

– Эй, хватит, – бормочу я.

Где этот дурацкий будильник? Не найдя его, начинаю злиться по-настоящему. Медленно приоткрываю глаза и поднимаю голову. Стул подо мной скрипит, одежда шуршит.

Секундочку. Я замираю. Какой еще стул? Где моя кровать? Что за будильник? У меня нет будильника. Что на мне надето? Это...

Я резко просыпаюсь.

– Проклятье!

Я нахожусь в палате Митча. Должно быть, задремала, а будильник – это лежащий на тумбочке телефон, звон которого эхом отдается от стен. Если Митч сейчас проснется, у него будет много вопросов и я, скорее всего, не смогу ответить даже на половину.

Поддавшись панике, хватаю телефон и отвечаю на звонок, лишь бы этот отвратительный звук наконец прекратился.

Митч продолжает спать, он даже не шевельнулся, и, глядя на экран, я понимаю, что заменила одну проблему другой. Надо было сбежать.

Выругавшись про себя, делаю глубокий вдох. Прижав телефон к уху, прикрываю рот рукой, надеясь, что это поможет, и шепотом произношу:

– Алло?

– ¡Dios mío! Mira que hiciste. Estaba muy preocupado. ¿Oyes? – взволнованно говорит женщина и начинает плакать. Я не поняла ни слова из того, что она сказала, и не знаю, что ответить. Смотрю на Митча – в отличие от вчерашнего вечера, он выглядит по-настоящему умиротворенным, – и в отчаянии морщусь.

– ¿Митч, eres tú? – спрашивает женщина, и я понимаю, что надо либо отключиться, либо что-то сказать.

– Митч спит. Я его коллега. Не могли бы вы перезвонить позже?

– О, здравствуйте. Прошу прощения, – отвечает она на английском с сильным испанским акцентом и громко сморкается. – Знаю, что сейчас очень рано, но я волнуюсь. Я его мама.

Мама. Отлично.

Смотрю на часы на мониторе – нет и половины шестого. По крайней мере, здесь, в Финиксе.

– Состояние Митча более чем удовлетворительное. Он в надежных руках, – пытаюсь говорить достаточно громко, чтобы она услышала. Митч не двигается, но от волнения меня бросает в пот. Если сейчас он откроет глаза, увидит заспанную Сьерру, которая сидит у его кровати и разговаривает по телефону с его мамой.

– Gracias, – произносит она с благодарностью.

Мой отец из Мексики, но я совсем не говорю по-испански. Знаю лишь несколько слов и, честно говоря, никогда не думала выучить больше. Во-первых, потому что мы с отцом не общаемся – он не хочет, чтобы мы с мамой были в его жизни, во-вторых, мама запретила даже упоминать о нем и порвала испанский словарь, который я купила, когда училась в средней школе. Как бы то ни было, сейчас жалею, что не разговариваю по-испански. Внезапно я осознала, что всю жизнь отрицала часть себя. Кроме того, мне жаль, что не могу ответить по-испански и утешить маму Митча.

– Значит, вы коллега моего сына? – переспрашивает она.

– Да.

– Как вас зовут? Вы хорошо знаете Митча?

Что, скажите на милость, на это ответить? Если назвать свое имя, Митч узнает, что я была здесь...

Торопливо провожу рукой по лбу, убирая прядь волос под капюшон, и проклиная себя на чем свет стоит. Заснуть у его кровати – как такое вообще возможно!

– Я начинающий кардиохирург. Поэтому мы с Митчем и знаем друг друга, – отвечаю честно, проигнорировав первый вопрос.

Впрочем, ее, похоже, мое имя мало интересует. Она продолжает:

– Мне рассказали, что произошло. – Слышу, как она делает глубокий вдох, и понимаю, сколько сил ей требуется, чтобы вести этот разговор. – Вы там были?

Я хочу отключиться. С такой силой сжимаю телефон, что становится больно. Не желаю об этом думать. Почему она не может перезвонить? Почему спрашивает об этом? Я не собираюсь грубить или лгать, но не могу рассказывать о случившемся, о том, как моя жизнь превратилась в хаос.

– Да. Я там была, – шепчу сдавленно, не успев остановить сорвавшиеся с губ слова. В горле стоит ком, глаза предательски щиплет, как прошлой ночью. – Я там была, – повторяю, тяжело сглотнув. – Я нашла его.

Зажимаю рот рукой. Я не собиралась этого говорить. Что со мной не так?! Мой голос такой тихий, что слова едва можно расслышать.

– Спасибо, что заботитесь о нем. – Женщина снова начинает рыдать. Я закрываю глаза и пытаюсь думать о чем-то другом, чтобы не последовать ее примеру.

Я сижу, слушая всхлипы на другом конце линии. Наконец мама Митча берет себя в руки. Вздохнув, она дрожащим голосом произносит:

– Спасибо. Я перезвоню позже. Не хочу задерживать вас. Всего доброго.

– И вам, – отвечаю я и отключаюсь.

Взяв сумку, как можно тише выхожу из палаты. Опускаю низко голову, надеясь, что меня никто не увидит, а если увидит, то не узнает. Ноги несут меня подальше от Митча, от отделения интенсивной терапии. Думала, что с каждым шагом мне будет становиться легче, но этого не происходит. Мне так же плохо и больно. Я все еще слышу плач мамы Митча и вижу его лежащим на больничной койке.

Не замечаю, как оказываюсь на улице. Светит солнце. В сентябре не так жарко, как в июле, но все же довольно тепло. Даже ранним утром. Я не против. Люблю жару. Жару и солнце. Пустынную пыль и отсутствие дождя. Люблю этот город.

Вибрация телефона прерывает мои мысли.

**«Смена начинается в двенадцать, но в одиннадцать у нас обход.
Как насчет завтрака вместе?»**

Лора не подозревает, что ее предложение спасает меня, ведь я понятия не имею, как убить время, оставшееся до начала дежурства.

«Давай. Тогда и расскажешь, почему так рано не спишь. Где встретимся?» – пишу я и улыбаюсь, получив в ответ сообщение с адресом одного из лучших кафе в Финиксе, где подают вкуснейшие блинчики. К тому же оно недалеко. Что ж, день начался не лучшим образом, но возможно, его еще можно спасти.

Глава 9. Митч

Проснувшись ночью и увидев сидящую у моей кровати Сьерру, я подумал, что она мне снится или мерещится, и снова уснул. Но теперь понимаю, что это был не сон.

Сьерра приходила сюда. Минуту назад она выбежала из палаты так, словно за ней черти гнались. Она не шумела – напротив, двигалась как можно тише. Но, услышав, как распахнулась дверь, я осторожно приоткрыл глаза и увидел, как Сьерра проскользнула в образовавшуюся щель.

Я улыбаюсь при мысли, что Сьерра просидела со мной всю ночь. И явно не хотела, чтобы я узнал об этом. Улыбаюсь еще шире. Ее план сработал бы, не зазвони телефон так громко – с тех пор, как меня перевели из операционной, мне постоянно хочется спать. Такое чувство, словно меня привязали к квадроциклу и протащили по пустыне Аризоны.

Тру лицо здоровой рукой, при каждом движении вздрагивая от боли. Потом осторожно беру пульт управления от кровати и поднимаю изголовье, чтобы сесть. Дотянувшись до телефона, звоню маме, которая только что разговаривала с Сьеррой. В голове не укладывается... Почему она ответила? Однако с тем же успехом я мог бы спросить себя, почему притворялся спящим, хотя давно проснулся и все слышал. Хорошо, почти все. Был момент, когда Сьерра говорила так тихо, что я не разобрал ни слова.

– До чего же она миленькая, когда проснется, – бормочу я, слушая гудки.

– ¿Sí?

– Hola, mamá.

– Митч? – с облегчением вздыхает мама. – ¡Corazón mío! – всхлипывает она, и у меня щемит сердце.

Я ненавижу огорчать ее.

– Lo siento, mamá. Perdóname, – выдавливаю я и, не сдержавшись, тоже начинаю плакать, потому что устал и потому что на другом конце линии не кто-нибудь, а моя мама, и она слишком далеко, чтобы я мог обнять ее. Мама научила меня, что плакать – это нормально. «Llorar limpia el alma, – всегда говорила она. – Плач очищает душу». Что бы кто ни говорил, а это не умаляет мужественности мужчин.

– ¡No manches!

– Я серьезно, claro? Извини. Мне очень жаль. – Мой голос звучит хрипло и взволнованно.

– ¡Ya! Знаю, знаю. Но за что ты извиняешься? Это был несчастный случай.

– Я в порядке.

– ¡Mitch Emiliano José Rivera! No me lo creo. Тебя прооперировали. Мне сказали, что у тебя... quemaduras. Ожоги, да? Я должна радоваться, что ты вообще выжил! Как ты можешь быть в порядке?! – возмущается мама. Она кричит так, что мне приходится отвести телефон от уха. Мама перестала плакать и теперь злится. Она невероятно темпераментная.

– Bien, ты права, слышишь? Я не в лучшей форме. Но... – Быстро провожу рукой по волосам и на мгновение закрываю глаза. – Все будет хорошо. Травмы у меня ерундовые.

Правда? Останутся рубцы, но самый глубокий слой ткани не омертвел. Уже хорошо. Буду держаться за эту мысль.

Слышу, как мама глубоко вдыхает и выдыхает:

– Не знаю, смогу ли в это поверить, но у меня нет выбора. Твои сестры и брат тоже очень переживают. Так жаль, что у меня нет возможности приехать к тебе. Камила болеет, и Хуан тоже заразился... Я не могу оставить на них Марию. Ваш отец много работает и...

– Мама, – перебиваю я. – Я знаю. Ничего страшного. Надеюсь, Камила и Хуан не подхватили ничего серьезного?

– Нет. – Я представляю, как мама отмахивается. – Простая простуда, но температура никак не спадает.

– Ясно. Передавай им привет, пусть быстрее выздоравливают.

– Передам. Они тоже передают тебе привет и спрашивают, когда ты наведишь нас.

Этот вопрос вызывает у меня улыбку.

– Мне понадобится еще несколько недель, чтобы прийти в форму и чтобы ожоги зарубцевались. Ты не против, если я приеду на несколько дней после Нового года?

– О! Это было бы чудесно. Твой отец, сестры и Хуан будут очень рады. Но сначала ты должен встать на ноги. Не забывай хорошо питаться.

– Постараюсь взять несколько выходных. Мам, не волнуйся. Все будет хорошо.

Мама что-то неразборчиво бормочет, а потом добавляет:

– Я звонила несколько минут назад, но ты спал. Тебя разбудила твоя коллега? Или мой звонок?

– Ни то ни другое. Я не спал.

– ¿De verdad? Тогда почему та девушка сказала, что ты спишь?

– Эм-м-м... дело в том, что я... – И как мне теперь выкрутиться?

– Митч! Очень надеюсь, ты не наделаешь глупостей и будешь себя прилично вести! – предостерегающе говорит мама. Она слишком хорошо меня знает.

– Очень постараюсь, – отзываюсь с усмешкой.

– Девушка сказала, что вы работаете вместе. Это она, да? Она кажется довольно милой и... С ней все в порядке?

Усмешка сползает с моего лица, под ложечкой неприятно тянет.

– У меня еще не было возможности спросить, но думаю, что да.

Мне не дает покоя вопрос: что делала Сьерра сразу после взрыва? Была у лифтов? Неужели она видела все? Господи боже, неужели она видела меня? Чувствую, как сжимается горло. Надеюсь, что нет, что Сьерра задержалась в отделении неотложки или уже поднялась наверх с Лорой. В противном случае... если она была там, когда мы садились в лифт... Мне бы очень хотелось уберечь ее от этого.

Мои мысли постоянно возвращаются к произошедшему – и это при том, что я едва пришел в сознание. Каково же остальным? Качаю головой. Нет, Сьерра не должна была этого видеть. Наверняка я представлял жалкое зрелище, с такими ранами... Больше всего меня пугает мысль, что это заставит Сьерру отдалиться от меня еще больше, что она не сможет спокойно на меня смотреть...

Нет, она не должна была видеть меня лежащим в том лифте...

– Она красивая?

– ¡Mamá!

– А что? Эта девушка врач, а значит, умная. Она показалась мне дружелюбной, и, кажется, она правда о тебе беспокоится. Теперь мне интересно, красивая ли она. Что в этом плохого?

– Dios mío, да, Сьерра красивая. А еще своенравная, саркастичная, дерзкая, остроумная, – начинаю перечислять, думая о Сьерре, пока мама не заходится громким смехом.

– Похоже, она тебе не по зубам. Но не сдавайся.

– Понятия не имею, о чем ты, – лгу я.

– От тебя одни огорчения, – заявляет мама, но в ее голосе слышится улыбка. – Ya sabes que te quiero.

– Я тоже тебя люблю.

– Береги себя. Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится или тебе станет хуже, ладно? Рада, что ты цел.

– Я тоже, – соглашаюсь, пусть и не знаю, насколько «плохо» то, что со мной случилось. У меня не хватает смелости взглянуть на ожоги. Мне снятся кошмары, и я часто просыпаюсь в поту и ничего не могу вспомнить. Ничего, кроме взрыва, удара, сбившего меня с ног. Потом – сплошная темнота.

Попрощавшись с мамой, прокручиваю в голове наш разговор. Мне хочется обнять ее, но это невозможно. Остается только смириться. Я понимал, на что иду, когда вместо того, чтобы вернуться домой, к семье, решил остаться в Америке, окончить медицинскую школу и пройти интернатуру. Это мой выбор, и то, что я почти не вижу родителей, брата и сестер, – его следствие. От осознания этого не легче, но у меня есть цель – стать одним из лучших кардиохирургов. Может, после этого я вернусь в Мексику. Кто знает?

Устало закрываю глаза и отчетливо ощущаю повязку на груди и животе. Кожа под бинтами особенно чувствительная. Хорошо, что боль терпимая. Не колющая, а скорее тянущая, давящая и тупая.

Но ни мама, ни мои мечты, ни раны не отвлекают меня от мыслей, которые крутятся в голове.

Мыслей о Сьерре.

Я бы солгал, если бы сказал, что Сьерра не привлекла мое внимание в первый же день, что не очаровывала меня все больше с каждой минутой, проведенной рядом с ней. Лора – единственная, кого Сьерра подпускает к себе, и после того, что я выкинул несколько недель назад, моя позиция в ее рейтинге значительно упала.

Мьерда! Я по-крупному облажался и натворил дел – пусть и из лучших побуждений.

Тем удивительнее, что Сьерра пришла сюда. И не просто пришла – а заснула у моей кровати.

Она случайно поговорила с моей мамой, что довольно забавно. Жаль, что я не видел выражения ее лица... Что не открыл глаза и не посмотрел на нее. Интересно, что бы тогда произошло? Может, Сьерра сбежала бы еще быстрее? А может, осталась?

Господи, ну почему я притворился спящим?!

– Кретин, – шепчу и вздыхаю. Похоже, стоит Сьерре оказаться в пределах видимости, как у меня отключается мозг: я делаю, думаю и говорю глупости. Это чертовски утомительно.

Я хочу провести с Сьеррой больше времени... поэтому останусь в Финиксе. Не вернусь домой. Без нее – не вернусь.

Хочу понять, что между нами происходит.

Глава 10. Сьерра

– Извини, что долго не писала, – вздыхает Лора, когда мы сделали заказ. Пока она говорит, я подпираю голову рукой и стараюсь не поддаваться нахлынувшей на меня усталости. Черт, за последние несколько дней я вымоталась больше, чем за все время работы в «Уайтстоуне».

– Ничего страшного. Мы все устали, а ты наверняка была с Нэшем.

– Да. Я отлучалась из палаты несколько раз – съездить к нему домой и покормить Джекса, перекусить или подышать свежим воздухом. Медсестра любезно предложила мне свободную койку, чтобы я могла остаться с Нэшем. – Лора улыбается.

– Рада за тебя. Как он вообще? – Подавляю зевок и несколько раз моргаю. Господи боже, после ночи у постели Митча я не чувствую себя отдохнувшей. Кажется, будто ни на минуту не сомкнула глаз. Ощущаю каждую мышцу шеи, которую, кажется, умудрилась потянуть. Нужно будет сходить на массаж. Я почти смеюсь от этой мысли: благодаря работе я ближе к выгоранию, чем к массажному столу.

Может, спросить у физиотерапевтов? Они наверняка предлагают подобные процедуры...

«Один сеанс массажа между операциями этому столику, пожалуйста...»

– Не хочешь поговорить о том, как у тебя дела? И что с тобой происходит? – приподнимает бровь Лора, с подозрением глядя на меня.

– Нет, не хочу. Рассказывать особо не о чем. Так что там Нэш?

Лора поджимает губы. Она не выглядит убежденной, что неудивительно – в конце концов, мои слова звучат так, будто я сама в это не верю. Как бы то ни было, Лора воздерживается от вопросов и, заправив прядь за ухо, говорит:

– Нэш чувствует себя намного лучше. Он идет на поправку быстрее, чем ожидалось. Доктор Фолкс, его лечащий врач, делает самые радужные прогнозы. Он уверен, что необратимых повреждений не произошло. Уже можно исключить серьезную черепно-мозговую травму. За несколько недель все симптомы: головные боли, ретроградная амнезия, нарушения кровообращения и дыхания – должны исчезнуть. Помимо головной боли, у Нэша нет никаких вегетативных расстройств. Он уже чувствует себя настолько хорошо, что вчера собирался выпиться. – Лора смеется, но потом тяжело вздыхает. – Конечно, Нэш никогда бы этого не сделал, в отличие от Йена. Нэш любит больницу, за исключением тех случаев, когда ему приходится выступать в роли больного. Тогда он ведет себя как вредный ребенок. Поэтому я взяла с него обещание, что до выходных он останется в палате под наблюдением врачей, а после я отвезу его домой. Ему придется пройти осмотр, прежде чем вернуться к работе, но это случится не раньше следующего месяца. Когда он полностью поправится. Пусть ожидание и дается ему нелегко.

– Значит, сейчас он ведет себя как вредный ребенок? – удивленно переспрашиваю я.

– Только ему не говори, – ворчит Лора.

– А вообще звучит неплохо. Я рада.

– Я тоже. Я... – Запнувшись, Лора отводит взгляд и поджимает губы. – Мне было так страшно, Сьерра. Как никогда, – тихо произносит она, закрывая глаза.

Я прекрасно знаю, о чем она говорит. Этот страх мне знаком. Я испытала его, когда после взрыва увидела пострадавших. Когда нашла Митча...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.